

© 2010 г.

В.Н. ВИНОГРАДОВ

БАЛКАНСКИЙ ПЛАЦДАРМ НАПОЛЕОНОВСКОЙ ЭПОХИ

Вопрос о российско-французских отношениях в конце XVIII столетия был весьма запутан в советской историографии. Вполне закономерно говорилось об участии самодержавия в стане врагов Французской революции. Более того, Екатерине II приписывалась роль некоего заводилы в их кругу, что не соответствовало действительности: “Среди монархов Европы она проявляла... наибольшую активность в борьбе с французской революцией”¹. Однако до ноября 1796 г., до кончины Екатерины, против французов воевали пруссаки, австрийцы, жители отдельных немецких княжеств, англичане, шотландцы, голландцы, испанцы, итальянцы двух королевств, Сардинского и Неаполитанского, но не россияне. Позволительно все же полагать, что основными врагами революции были те, кто пытался залить ее кровью, а не те, кто подвергал ее резкой критике, чем усиленно занималась императрица. Информация из Парижа в Петербург поступала односторонняя, рисовавшая все происходившее в черном свете. “Банды разбойников” разоряют поместья, вытаптывают сады. Париж, по мнению царицы, превратился в “адово пекло”, Национальное собрание она именовала “гидрой о 1200 головах, где господствует шайка безумцев и злодеев”². Но все же Екатерина ограничивалась “войной перьев” против них.

Социальный смысл происходивших во Франции волнений остался для Екатерины скрытым, они представлялись ей конвульсиями, предвещавшими распад страны. Окруженная преданным (особенно после пугачевского восстания) дворянством, опираясь на победоносное войско, она не понимала причин перехода части французского дворянства на сторону революции. У Людовика XVI – 300 тыс. шевалье. Их дело – либо спасти родину, либо погибнуть. В выражениях императрица не стеснялась: “Мне не по душе кухарки в роли ночной стражи, правосудие без правосудия и варварские казни на фонаре... Я не верю в великие нравственные и законодательные способности сапожников или башмачников”³.

Придерживаясь такой позиции, она явно недооценивала силы революции и ее способность одержать успех на поле боя. Менять перо на штык она не собиралась. Свержение революции – дело самих французов. У бежавших с родины принцев, по их уверениям, в распоряжении было 6 тыс. человек. “Государство, которое должно ждать от иностранных войск восстановления своего благополучия – несчастное государство”⁴. Царица полагала, что корпус в 10 тыс. штыков легко промарширует от Страсбурга до Парижа. Утвердившуюся в этой мысли Екатерину ждало много разочарований и огорчений.

Виноградов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Французская буржуазная революция XVIII века. М., 1941, с. 104–105; *Павленко И.И.* Екатерина Великая. М., 1999, с. 185.

² История СССР, т.3. М., 1967, с. 542–543; Литературное наследие, № 29–30. М., 1937, с. 406, 411–512, 493.

³ Письма Екатерины II к Гримму. СПб., 1878, с. 479, 500.

⁴ Сборник императорского русского исторического общества (далее – СИРИО), т. 42. СПб., 1885, с. 208–211.

Позиция Екатерины резко отличалась от той, что занимали дворы Берлина и Вены. Те рассчитывали поживиться за счет впавшей в грех революции страны. Императрица подчеркивала – Франция должна вновь занять достойное место великой державы. Она сознавала, что не следует восстанавливать абсолютизм во всей его полноте и прелести: монарху необходимо сочетать “меры строгости” со “справедливой умеренностью” с помощью “добрых и мудрых законов”. Французский историк Ш. Ларивьер с некоторым изумлением констатировал: “Великая самодержица Севсра, которую мы видели столь суровой в отношении конституций, якобинцев и цареубийц, советует Бурбонам делать уступки в духе времени”⁵. Екатерина считала нужным держать силы “в полном ополчении”, чтобы “воздержать в должных пределах зло дальнейшего распространения заразы, неистовства и развратов французских”⁶. Но заниматься этим поближе к своим границам. Позиция Вены и Берлина глубоко тревожила Екатерину: “Венский двор всегда стремился удалить нас от европейских дел”, о прусском и говорить нечего: все, что только есть “поносного и несносного” ему свойственно, а король Фридрих Вильгельм II – “злая скотина и большая свинья”⁷. Императрица признавалась: “Я боюсь их гораздо больше, чем старинную Францию во всем ее могуществе и новую Францию с ее нелепыми принципами”⁸.

Сердитый выпад против прусского монарха понятен. Еще не завершилась трудная и кровопролитная война с Турцией (1787–1791 гг.), сопровождавшаяся войной со Швецией (1788–1790 гг.). Едва последняя закончилась, как нависла новая опасность, причем куда более значительная, угроза столкновения с Великобританией, Пруссией и, возможно, Польшей. Лондон требовал от Петербурга отказа от присоединения междуречья Буга и Днестра, рекомендовал завершить победоносную войну почти что вничью и не ограничивался только дипломатическим давлением. Премьер-министр В. Питт добился у парламента санкции на снаряжение и отправку на Балтику большой, в 36 линейных кораблей, эскадры. На суше Россию ожидало столкновение с прусской армией. В конце марта 1791 г. Питт отправил в Берлин текст ультиматума России с требованием отказа от присоединения полосы земли между реками Буг и Днестр. Срок его принятия – 10 дней, затем – разрыв отношений и война. Как это ни парадоксально звучит, но объективно Россия играла на руку французской революции, отвлекая немалые силы ее врагов, Англии и Пруссии, для действий против России. Тем самым оттягивалось формирование антиреволюционного блока держав.

Но тут обнаружилось, что британская общественность не понимала, зачем нужно воевать из-за неведомого никому в Англии Очакова, находившегося где-то на европейских задворках. Прекращение торговли с Россией предвещало большие потери промышленности, ущерб судоходству, серьезные финансовые потери. Лидер либеральной оппозиции Ч. Фокс резко выступил против опасной затеи правительства. И мнение оппозиции одержало верх. Не остались в стороне от дискуссии и сотрудники российского посольства во главе с С.Р. Воронцовым, поставляя на суд общественности материалы, рисовавшие в самом привлекательном свете выгоды от коммерции с Россией и в самом мрачном – пагубность ее сокращения и тем более прекращения, даже опубликовали брошюру, правда, авторов на ее титульном листе нет. Результаты не замедлили сказаться, Воронцов докладывал: “Парламент сам собою, противу общей ненависти всей нации, не может поддержать никакого министра”. В начале мая он сообщал: “Вооружения в Портсмуте идут тише, и умножение заготовления сухарей и пива (для флота. – В.В.) приостановлено. Эскадра была разоружена, планы развязываний войны положены под сукно, размахивать кулаками стало бессмысленно”⁹. В том же мае в Петербурге появился

⁵ Lariviere Ch. Catherine II et la revolution francaise. Paris, 1895, p.365, 366, 271.

⁶ СИРИО, т. 70. СПб., 1890, с. 631.

⁷ Соловьев С.М. Собрание сочинений, т. 2. Ростов-на-Дону, 1997, с. 376; СИРИО, т. 70, с. 631.

⁸ Соловьев С.М. Указ. соч., с. 430.

⁹ Станиславская А.М. Англо-русские отношения в конце XVIII века. – Доклады и сообщения Института истории АН СССР, вып. 12. М., 1957, с. 116, 117, 119; Архив Государственного совета, т. 1. М., 1867, с. 119.

некий путешественник Фолкнер (Фальконер по камер-курьерскому журналу). Любопытный странник имел беседу с вице-канцлером И.А. Остерманом и был удостоен приема у императрицы (чего, случалось, месяцами дожидались послы). У него обнаружили верительные грамоты, и он от имени правительства его величества выразил согласие на основные российские условия мира с Турцией, включая границу по Днестру и присоединение Очакова с окружающими землями и Буджака к России. Пруссия осталась при несбывшихся надеждах.

* * *

Россия фигурировала в числе участников первой и второй антифранцузских коалиций (1793 и 1798 гг.) и заключила договоры о взаимопомощи со Швецией, Великобританией, Австрией и Пруссией. Употребляю достаточно неопределенный глагол “фигурировала” не случайно. Уже современникам было ясно, Екатерина в бой с гидрой революции не рвется и пребывание в альянсах использует для того, чтобы подвигнуть на сей подвиг партнеров. Габсбургский канцлер В.А. Кауниц полагал: “Императрица ждет не дожидается, чтобы Австрия и Пруссия завязли во Франции; чтобы перевернуть все в Польше”¹⁰.

1 февраля 1792 г. лютые враги, кайзер габсбургской монархии и прусский король, превратились в союзников поневоле, обязавшись выставить по 40–50 тыс. солдат против парижских смутьянов. Сама скромность этих цифр свидетельствовала, что они не представляли, с какой силой им придется столкнуться. Искать повода для вторжения не было нужды. Правда, Конвент объявил, что французская нация навсегда отказывается от всякой войны с целью завоеваний. Но он же принял декрет о помощи всем народам, желающим сбросить иго тиранов¹¹. Появился лозунг “Мир хижинам, война дворцам”. Происходило не завоевание, а освобождение. Освобождаемым, однако, полагалось немедленно высказаться за присоединение к Франции. Войска снабжались за счет населения. Солдаты пускали под нож домашний скот и птицу, рыскали в подвалах, опустошали амбары, разоряли обитателей хижин, с которыми будто бы не воевали.

Впрочем, об отказе от завоеваний как-то быстро забыли и вернулись к разработанной еще при Людовике XIV теории о естественной границе Франции по Рейну, для чего следовало присоединить его левобережье и водрузить здесь знамя свободы, равенства и братства в Бельгии.

20 апреля 1792 г. Конвент объявил войну австрийскому императору. В конце мая австрийские и прусские войска вторглись во Францию. 20 сентября армия республики под командованием Ш. Дюмурье нанесла в бою при Вальми поражение интервентам. Расчеты коалиции держав на военную прогулку оказались неверными. Началась продолжавшаяся 22 года череда почти непрерывных войн. Уже в октябре австрийцы и пруссаки были вытеснены из Франции, в ноябре 1792 г. революционные войска перешли границу. Успехи на поле боя выглядели впечатляюще. В 1793 г. территория страны была очищена от интервентов, ее войска заняли Савойю, Ниццу, левый берег Рейна, устье реки Шельды, принадлежавшее Голландии. Дальше – больше. С трибуны Конвента звучали угрозы в адрес России: “Черное море и Балтика, могут ли они служить препятствием для честолюбия? Порабощенная и деградирующая Польша – разве она останется навсегда под кнутом Екатерины и под штыком Фридриха?”¹². В Париже вспомнили о старой дружбе с Османской империей. Членам французской диаспоры там предписали не заниматься вспышечностью и проявлять глубокое уважение к исламу. Министр иностранных дел П. Лебрен советовал Высокой Порте “нанести разящий удар для отмщения агрессии австрийского дома и позорному миру, который великий сеньор был вынужден заключить с императрицей Екатериной”. Порта с помощью француз-

¹⁰ Литературное наследие, № 29–30, с. 537; Sorel A. L'Europe et la revolution francaise, p. 2. Paris, 1822, p. 347.

¹¹ Соловьев С.М. Указ. соч. с. 346–347.

¹² Sorel A. Op. cit., p. 3. Paris, 1822, p. 398.

ского флота, который появится в Черном море, вернет себе Крым и Херсон. “Освобожденная Польша придет к нам”¹³. Погостившая в Стамбуле в 1796 г. миссия генерала Обера дю Байе помимо добрых пожеланий оставила в турецкой столице немало оружия последних образцов. В Италии тогда еще молодой республиканский генерал Наполеон Бонапарт одерживал победу за победой. Похоже было, что следующей жертвой завоевателей станут Балканы.

* * *

В ноябре 1796 г. Екатерину сменил на престоле сын Павел; по словам Г.Р. Державина, зашумели “ботфорты, тесаки и будто по завоеванию города ворвались в покои везде воинские люди с великим шумом”. На плацу спешно переучивались военному делу прославленные потемкинские и суворовские полки. Убеленные сединами, увешанные боевыми орденами генералы учились шагать, равняться, отдавать честь эспантоном. Туго поддававшиеся науке подлежали изгнанию из армии. За неполных пять лет управления царь уволил в отставку 7 фельдмаршалов, включая Суворова, более 300 генералов, 2 тыс. штаб- и обер-офицеров. Человек крайне неуравновешенный, неврастеничный, взбалмошный и вспыльчивый, Павел не мог придерживаться определенной системы во внешней политике, мешала его истеричная натура. Он истово относился к задаче обуздания растущего могущества Франции и в отличие от матери был готов участвовать в этом с оружием в руках. Некоторые его акции объяснению с точки зрения здравого смысла не поддаются. Так, на удивление всем в стране он оказался избранным великим магистром ордена иоаннитов (храмовников). К этому была причастна австрийская дипломатия, стремившаяся вовлечь Россию в сумятицу европейских дел. Рыцарские ордена давно изжили себя, на острове Мальта, резиденции иоаннитов, всем распоряжались англичане. Но склонный к мистицизму Павел принял в Петербурге делегацию “братьев”, привезшую полагающиеся регалии, и известил подданных о своем новом сане. По Петербургу поползли слухи, что царь поддался католической ереси. Никакие российские интересы на остров Мальту не распространялись, но ход “мальтийским конем” способствовал тому, что в октябре 1798 г., по словам российского историка Н.К. Шильдера, “удалось выманить российские войска за границу”. “Екатерина, – замечал он, – не занялась бы спасением Европы”¹⁴.

Совсем одиозной выглядела другая затея императора: поход на Индию. 12(24) января 1801 г. атаман Всевеликого войска донского В.П. Орлов-Денисов получил рескрипт с указанием поднять полки и двинуть их к Оренбургу и далее “через Бухарию и Хиву на реку Индус и на заведения английские, на ней лежащие”, которые надлежало “разорить и угнетенных владельцев освободить и ласково привести России в ту же зависимость, в коей они у англичан, и торг обратить к нам”¹⁵. Состояния войны с Англией тогда не существовало. Карты Индии в военном ведомстве не отыскивали, ее нашли в Академии наук и послали экспедиции вдогонку.

Скорбный путь Войска донского прервала страшная ночь с 11 на 12 марта 1801 г., когда произошло убийство Павла. На рассвете бледный, с трясущимися губами великий князь Александр вышел к охранявшим Михайловский замок солдатам Семеновского полка и объявил “Батюшка умер апоплексическим ударом. При мне все будет как при бабушке”.

На этом мрачном фоне действия российской дипломатии на Балканах представляются продуманными и целеустремленными. Присущий французской революции территориальный экстремизм явно перерастал в захватнический беспредел. В апреле 1796 г. мало кому известный молодой генерал Наполеон Бонапарт во главе 35-тысячной армии, плохо вооруженной и снабженной, вторгся в Италию и начал одерживать одну победу за другой. В противоборстве Франции с коалицией монархов итальянский фронт из

второстепенного превратился в главный. Сардинская армия сопротивлялась две недели, австрийцы держались почти год и подписали перемирие в марте 1797 г., когда французы двигались уже к Вене. На переговорах в Кампоформии генерал Бонапарт диктовал условия мира Священной Римской империи германской нации. С ее уполномоченным Л. Кобенцлем он не церемонился и кричал ему в лицо: “Ваша империя – старая служанка, которая привыкла к тому, что ее насилюют. Вы торгуетесь здесь со мною и забываете, что окружены моими гренадерами”. В гневе он скинул на пол и разбил вдребезги драгоценный сервиз. По договору Австрия уступила Франции Бельгию, согласилась на проведение границы по Рейну и образование в Северной Италии Цизальпинской республики. В возмещение потерь Габсбургам передали Венецию, включая ее владения на Далматинском побережье Адриатического моря.

В том же 1797 г. французы высадились на Ионических островах, находящихся на расстоянии ружейного выстрела от побережья Албании в зоне непосредственных российских интересов. Они принадлежали только что исчезнувшей Венецианской республике. Галльские смутьяны явно претендовали на ту роль в регионе, которую Россия отводила себе. Бонапарт писал в Париж Директории: “Обладание Ионическими островами даст Французской республике возможность или сохранить Османскую империю, либо захватить ее часть”. В Константинополе не ведали об откровениях генерала, но сознавали нависшую над Высокой Портой опасность. И уж совсем здесь не подозревали, что честолюбец собрался нанести сокрушительный удар по Британской империи в Индии, не поколебавшись пустить ради этого под откос вековые дружеские отношения Французской монархии с Турцией, ибо поход он решил начать в Египте, входившем в состав владений султана. Никто в Париже против замысла не возражал. Создается впечатление, что чересчур самостоятельного и независимого генерала стремились сбить с рук подальше. Он ведь и раньше послушанием не отличался.

19 мая 1798 г. армада кораблей, линейных фрегатов, корветов и бригов с 36-тысячной армией на борту снялась с якоря в Тулоне и взяла курс на страну пирамид. Наполеон предвидел ее появление в султанате письмом великому везиру, в котором пытался представить себя спасителем Османской державы. В его трактовке Австрия и Россия, “предварительно уже поделившие Польшу, вынашивают подобные планы и относительно Турции”. В создавшихся условиях султан должен воспринять французскую армию как преданную ему и готовую выступить против его врагов. Но обе империи пребывали тогда в мире с Высокой Портой, и неуклюжая попытка рассорить с ними падишаха провалилась. Наполеон сменил ласку на таску и разгромил египетские войска в битве у пирамид. Старому другу и верному союзнику был брошен открытый вызов. В ответ султан Селим III в сентябре 1798 г. объявил Франции войну. К изумлению современников, Высокая Порта оказалась брошенной в объятия России, больше помощи ей было ждать неоткуда.

С высоты веков египетский поход представляется грандиозной авантюрой. Громадный флот был разгромлен адмиралом Г. Нельсоном в сражении у Александрии, и армия Бонапарта оказалась отрезанной от Франции. После внушительных побед в битве при пирамидах и других попытка Наполеона пробиться через Сирию в Индию провалилась, и он бросил армию на произвол судьбы, выступавшей в данном случае в образе английских войск. Армия сделалась жертвой чумы, а остатки ее сдались в сентябре 1801 г. британцам.

Вторжение французов на Ионические острова знаменовало их проникновение на Балканы, что крайне встревожило Петербург, египетская экспедиция породила у Высокой Порты страх. Зондаж в Константинополе выявил общность взглядов на необходимость дать отпор зарвавшимся галлам, и не только по соображениям стратегии. Обе стороны стояли на почве легитимизма и охранительных начал. Реис-эффенди Ахмед Аффиф-паша вел с российским посланником В.С. Томарой душевные беседы: в отличие от прежних столкновений, связанных с территориальными спорами, говорил турок, война с Францией ставит вопрос о существовании Османской империи и ислама вообще, так как французы покушаются на всеобщие правила, престолы, веру и все, что есть священного на свете. Отечественный историк В.И. Шеремет констатирует: “Реальная

¹³ Ibid., p. 303–304.

¹⁴ Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997, с. 46–52.

¹⁵ Тарле Е.В. Три экспедиции русского флота. М., 1956, с. 149.

опасность потерять свои владения, а может быть, и независимость, привела Османскую империю к союзу с Россией. Стремление оградить свои политические и экономические интересы на Ближнем Востоке и борьба с растущим влиянием идей Французской революции привели Россию к союзу с Османской империей¹⁶. И в Стамбуле, и в Петербурге восторжествовал курс на сотрудничество на основе Ясского договора. Селим III связывал активную восточную политику Петербурга с личностями Екатерины и Потемкина, ушедших в небытие, с берегов Невы к нему поступали успокоительные заверения. В начале августа 1798 г., после битвы у пирамид, султан обратился к царю за помощью. Еще до завершения переговоров, 23 августа (2 сентября) 1798 г., эскадра под флагом адмирала Ф.Ф. Ушакова прибыла на Босфор. Прием превзошел все ожидания, “по всем ведомствам Блистательная Порты... весь народ Константинополя... бесподобно обрадованы: учтивость, ласковость и доброжелательство во всех случаях совершенны”, – докладывал Ушаков¹⁷. Селим III инкогнито посетил флагманский корабль, и уже официально щедро одарил адмирала. Корабли получили санкцию на свободный проход через Босфор и Дарданеллы. 30 сентября (10 октября) султан порвал отношения с Францией, и послу П. Рюффену пришлось переселиться в Семибашенный замок. Канцлер А.А. Безбородко изумлялся: “Надо же было вырасти таким уродам, как французы, чтобы произвести вещь, какую я не только на своем министерстве, но на веку своем видеть не чаял, союз наш с Портою, и переход флота нашего через Канал”¹⁸. Во главе объединенной русско-турецкой эскадры был поставлен Ф.Ф. Ушаков, ему в помощь действовал патрон-бей (контр-адмирал) Абдул Кадыр, опытный и смелый моряк.

28 сентября (9 октября) эскадра подошла к острову Цериго. Корабли штурмовали бастионы – пушечный огонь с моря, приступ десанта с суши. Французский гарнизон храбро сопротивлялся три дня. Ушаков проявил себя как крупный политик и гуманный человек: пленным сохранили знамена и оружие под обязательство не воевать против России. Жителям адмирал объявил, что предоставляет управление островом выборным лицам “из дворян и лучших обывателей из граждан”, т.е. ввел на Цериго местное самоуправление. 14(26) та же участь постигла крепость на острове Занте. Здесь пленных французов пришлось вести на суда под крепким караулом: носители идей свободы, равенства и братства разорили обитателей подчистую, и те были готовы их растерзать¹⁹. “Дело” на острове Кефалиния облегчилось тем, что жители еще до прихода эскадры загнали оккупантов за крепостные стены, так что высадиться удалось беспрепятственно. Затем наступила очередь островов Итака и Святая Мавра. Надолго пришлось задержаться у острова Корфу, самого крупного в архипелаге и хорошо укрепленного венецианцами, 3-тысячный его гарнизон укрылся в цитадели. Чтобы избежать больших потерь при штурме, Ушаков решил предварительно занять соседний островок Видо, высоты которого господствовали над окружающей местностью. 18 февраля (1 марта) 1799 г. удалось провести удачную операцию, и комендант крепости на Корфу, считая бессмысленным дальнейшее кровопролитие, сложил оружие. Победителям достались богатые трофеи – 400 пушек, гаубиц и мортир, 5,5 тыс. ружей, несколько кораблей. “Радость греков была неопишанна и непритворна, – вспоминал очевидец. – Русские зашли как будто на свою родину”. Адмирал приступил к организации на островах самоуправления. Суворов в своем поздравлении писал: “Ура! Русскому флоту!... Я теперь говорю самому себе: зачем я не был при Корфу хотя мичманом!”²⁰.

23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.) состоялось подписание оборонительного союзного договора с Турцией на восемь лет, предусматривавшего свободный проход Черноморского флота через Босфор и Дарданеллы. Стороны объявили эту акваторию закрытой для военных судов других стран. Россия гарантировала Османской империи

целостность ее владений в пределах, существовавших до последних французских посягательств. Турция засвидетельствовала отсутствие у нее территориальных претензий к союзнику²¹. Совокупность подписанных условий способствовала упрочению безопасности южных российских рубежей. Обозначились контуры отношений двух стран в духе согласия в рамках, очерченных Яским трактатом (1791 г.). Высокая Порты примкнула ко второй антифранцузской коалиции. Такова история заключения первого и единственного союзного договора между двумя странами почти за 300 лет их сношений.

А Ушаков продолжал кампанию на Средиземном море. Отношения с адмиралом Нельсоном у него не сложились. Тот считал эскадру под Андреевским флагом вспомогательной силой, призванной обслуживать британские интересы, и настаивал на ее отплытии в египетские воды: “Египет – первая цель, Корфу – второстепенная”. Ушаков придерживался иной точки зрения и полагал, что следует запастись ключами от подступов с моря к Западным Балканам (реакция на это Нельсона в узком кругу: “Я ненавижу русских... Адмирал – негодяй”)²².

Ушаков собирался отплыть к острову Мальта, на помощь английскому флоту, блокировавшему его берега, не без мысли о том, что Павел все-таки являлся магистром Мальтийского ордена. Нельсон отверг поддержку, британцы в ней не нуждаются, последний оплот французов, Лавалетта, накануне падения. Жители поставили себя под покровительство Великобритании. Владычица морей желала утвердиться на ключевой позиции в Западном Средиземноморье. И пришлось Ушакову со своей эскадрой отправиться к берегам Неаполя и помогать там во исполнение союзного долга восстанавливать власть тупого и ограниченного тирана, короля Фердинанда.

Далеко не безоблачно складывались отношения и с другими, помимо Англии, партнерами по второй антифранцузской коалиции. Австрийцы по Кампоформийскому миру 1797 г. обзавелись полосой земли на Далматинском побережье Адриатики. Черногорский митрополит Петр I Негош жаловался Павлу: “Сила австрийского оружия простерлась до самой Черной горы”. Царь живо откликнулся на обращение митрополита, импульсивность его натуры проявилась в самом тоне его грамоты Негошу и старейшинам: “Усмотрев же ваше прошение о подтверждении императорского нашего благоволения о неоставлении вас и всего черногорского и бердского славяно-сербского общества нашим императорским покровительством по единоверию и уважение к вашей храбрости и заслугам, восхотели мы подать вам... новые удостоверения, что мы не перестанем принимать участие в жребии вашем”. На полях прошения – царские пометы: “выдать”; “послать грамоту в требуемом смысле”; “дать крест”²³. Цетинскому монастырю выслали “милостинные деньги” за прошедшие годы и на шесть лет вперед, установили ежегодную “пенсию или пособие” в размере 3 тыс. червонных (9 тыс. рублей). Архимандриту Вукотичу, посланцу Негоша, пожаловали золотой крест и снабдили его церковными книгами, посланникам в Константинополе и Неаполе, резиденту в Дубровнике (Рагузе) предписали защищать черногорские интересы.

Существовали обстоятельства, побуждавшие относиться к Негошу с особым вниманием. Буонапарте, сообщал консул с острова Корфу, совращал население “демократическими мыслями”, он разослал “во все острова востока, бывшие перед тем венецианскими, повеление, дабы знать жителям Морей, Кандии, Албании его намерения касательно сей любезной стороны и предлагал войска для возвращения вольности потомкам Ликурга”. Логично было предположить, что славяне тоже подвергнутся соблазну. Митрополит Негош, хоть и не потомок Ликурга, с посланием Буонапарта ознакомился, и российская консульская служба раздобыла его письмо генералу²⁴. Последствий оно не имело, но следовало быть начеку.

²¹ О русско-турецком договоре см.: *Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. М., 1983.

²² *Тарле Е.В.* Указ. соч., с. 231–233.

²³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII веке. М., 1984, с. 375, 377.

²⁴ *Бажова А.П.* Россия и югославяне в конце XVIII – начале XIX века. М., 1996, с. 24, 384–385.

¹⁶ Александр I, Наполеон и Балканы, с. 46.

¹⁷ *Тарле Е.В.* Указ. соч., с. 149.

¹⁸ Там же, с. 154.

¹⁹ Там же, с. 162.

²⁰ Там же, с. 207–209.

Павел очутился в деликатном положении: поступавшие с Балкан жалобы на притеснения и обиды касались Высокой Порты и Габсбургской монархии, с которыми он состоял в союзе и потому не мог портить с ними отношений и ссориться. Царская грамота южным славянам содержала многозначительную фразу: "Мы не перестанем принимать участие в жребии вашем поколику положение наше позволит"²⁵. Ведомство иностранных дел успокаивало себя мыслью, что Вене и Стамбулу невыгодно портить отношения с Россией на почве балканских дел. В обращении к христианам рассеивались их тревоги и опасения, а резидентам предписывалось внимательно следить за ситуацией, дабы заблаговременно дипломатическими мерами предупредить конфликты. Томаре царь выражал уверенность, что Порта перестала руководствоваться "прежними правилами лютости в рассуждении христиан" и впредь "не будет притеснять народ черногорский", требуя от дипломата прибегать к "заступлению дружескому" и "свойственному по единоверию участию в пользе сего народа"²⁶. Самим черногорцам император обещал заступничество по дипломатической линии: "Не полагаем мы, — говорилось в его грамоте от 1(12) января 1799 г., — чтоб со стороны Римского императора и Порты Оттоманской могли чинимы быть вам какие-либо притеснения в законных правах ваших, о чем мы, тщася о благосостоянии вашем, повелели послу нашему в Вене и министру в Константинополе отозваться". Особо подчеркивалась роль эскадры Ушакова как фактора смятения напряженности: "Тем менее можете вы подвержены быть какой-либо опасности и потому еще, что флот наш, обретающийся ныне в Средиземном море для действий противу народа, покушающегося везде истребить законные правления, и, что еще больше, ищущего вредить вере христианской (французов. — В.В.), не оставит в нужде всякую помощь вам оказать"²⁷. Действительно, завершающие годы XVIII столетия выдались на Балканах сравнительно спокойными в смысле межэтнических конфликтов. В Петербурге утверждалась мысль о выгоде добрых отношений со "слабым соседом", Османской державой, на юге. Росло чувство неотвратимости схватки с наследником и могильщиком Французской революции.

* * *

Несомненно, на податливость Порты к улучшению отношений с Россией повлияла общая обстановка в Европе. В отличие от прошлых лет, пока Бонапарт пребывал в Египте, позиции Франции на континенте слабели. Кайзер Франц обратился к Павлу с просьбой назначить А.В. Суворова главнокомандующим союзными войсками в Италии. И в село Кончанское, где жил опальный фельдмаршал, явился гонец с царским письмом. Монарх просил полководца забыть старые обиды и взять на себя трудную миссию. Суворов откликнулся. 4(15) апреля 1799 г. он прибыл на место и продемонстрировал своего рода мастер-класс военного искусства: взял крепости Брешию и Бергасмо; нанес французам поражение на реке Адда; занял Турин; разгромил неприятеля на реке Треббия; одержал победу в бою при Нови 4(15) августа. За четыре месяца он очистил от неприятеля Северную Италию, перечеркнув итоги Итальянской кампании Бонапарта.

Суворов сделал свое дело и ему, по логике союзников, следовало удалиться. Его отправили в Швейцарию на помощь сражавшемуся там корпусу А.М. Римского-Корсакова. Последовал легендарный Швейцарский поход. Преодолев перевалы Альп, Суворов российских войск за ними не обнаружил, они были разбиты вместе с поддерживавшими их австрийцами и частично пленены. Фельдмаршал с большими потерями прорвался еще раз через горы в Австрию и прибыл в Аугсбург.

Павел на интриги союзников реагировал с присущей ему порывистостью. "Бескорыстный романтик реставрации старого порядка и вторжения во Францию, Павел I возненавидел коалицию", — писал российский историк А.С. Трачевский²⁸. Цесарцы не

²⁵ Политические и культурные отношения..., с. 377.

²⁶ Там же, с. 387.

²⁷ Там же, с. 385.

²⁸ Трачевский А.С. Наполеон I: первые шаги в консульстве. М., 1907, с. 165.

спешили с восстановлением на тронах свергнутых монархов. Царь заявил, что впредь не намерен приносить русских солдат в жертву австрийским интересам и порвал союз с Габсбургами. 11(22) октября Суворов получил приказ возвращаться с войсками на родину.

Итальянская кампания — завершение карьеры великого полководца и вершина его славы, Суворов удостоился высших почестей — генералиссимус, светлейший князь Итальянский, принц Сардинского королевства. В Петербурге ему готовили торжественную встречу, но к приезду героя настроение взбалмошного царя изменилось. Никаких торжеств, болезнь и смерть, похороны по рангу фельдмаршала, а не генералиссимуса. Павел в похоронной процессии не участвовал, но наблюдал ее из переулочка. Почему? Много загадок оставил после себя "романтический наш император", как его именовал Пушкин.

В тупик зашло сотрудничество с англичанами. Над Мальтой развеялся британский флаг, царь как магистр ордена иоаннитов оказался в глупом положении, с ним совершенно не считались. Совместная англо-российская экспедиция в Голландии завершилась катастрофой. Вдобавок ко всему Великобритания присвоила себе право контроля над судоходством, корабли его величества останавливали для досмотра суда нейтральных и даже союзных стран под предлогом борьбы со снабжением Франции. Произвол царил полнейший. 25 августа (5 сентября) 1800 г. Павел объявил о разрыве дипломатических отношений с Англией.

На этом бы Павлу и остановиться и "терпеливо, и не изнуря себя", как он выражался ранее, поразмыслить, подождать развития событий. Но выдержки не хватило. Павел наложил запрет на выгодную и прибыльную торговлю с Великобританией.

В Париже внимательно следили за развалом неприятельской коалиции. Первый консул Наполеон Бонапарт и министр иностранных дел Ш.М. Талейран приступили к далекой идущей игре с целью сближения с Россией, воспользовавшись тем, что ни на есть гуманным предложением — обменом пленными. Бонапарт пригласил к себе нескольких русских офицеров и ласково с ними беседовал. Те поблагодарили его в письме, которое немедленно появилось в официальном "Монитере". Прибывшего во Францию генерала Г.М. Спрингпортена встретили с почестями, ему по чину не положенными, вроде почетного караула, и предложили отправить в Россию 6 тыс. военнопленных не только с оружием, но и шить им новые мундиры взамен изношенных. В Париже отыскали меч одного из магистров Мальтийского ордена и отправили его в дар Павлу. Талейран сочинил письмо на имя своего петербургского коллеги, но явно предназначенное для царских глаз, с тонкой игрой на оскорбленных чувствах Павла: первый консул республики знает, что "англичане и австрийцы обязаны всеми своими успехами содействием российских войск". Брошенная как бы мимоходом фраза о "возвращении Бонапарта из Египта" напоминала, что против Суворова он не воевал. Высокая оценка заслуг российских войск выставлялась напоказ в противовес неудачникам-союзникам²⁹.

Парижским политикам удалось использовать в своих интересах бурный темперамент Павла (или, как они изящно выражались, "изумительную подвижность ума"). Ориентированный на Великобританию первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел Н.П. Панин получил отставку и был заменен Ф.В. Ростопчиным. Его перу принадлежит записка на высочайшее имя от 2(14) октября 1800 г., по сути дела манифест нового этапа внешней политики, одобренный царем: "Апробуя план Ваш, желаю, чтоб Вы приступили к исполнению оного. Дай Бог, чтобы по сему было". Записка предавала анафеме недавних союзников. Австрия характеризовалась так: "Подвигаемая корыстью, ослепленная гордостью, отказавшись от всех, кроме химерических завоеваний" (здесь помета царя: "Чего захотели от слепой курицы!"). Зловредная Великобритания "угрозами, хитростью и деньгами" двинула державы против Франции (помета: "И нас, грешных"), завладела деньгами по всему свету, "присвоила себе право осматривать корабли всех земель". И Англия, и Франция нажились на войне, одна Россия вышла из

²⁹ СИРИО, т. 70, с. 1; Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1972, с. 351.

нее не только без всякого прироста, но и с потерей 223 тыс. солдат. Франция, прожив 10 лет “без закона и без правительства”, предалась самовластью “иноземца Бонапарта”, которому нужен мир, дабы утвердить себя “в начальстве”, приобрести признательность народа и всей Европы. Ростопчин не тешил себя иллюзией насчет прочности миролюбивых устремлений Наполеона: “Бонапарт употребит покой внутренний на приготовления против Англии, которая своею завистью, пронырством и богатством была, есть и будет не соперница, а злодей Франции”.

Положение России Ростопчин представлял в розовом свете: “Австрия ползает перед Вами, чтобы восстать против Франции”; “Бонапарт старается всячески снискать благорасположение Ваше для лучшего успеха и заключения мира с Англией”. Следует не таскать для других каштанов из огня войны, а стать арбитром Европы: “Россия как положением своим, так равно неистощимою силою, есть и будет первая держава мира, и по сему самому ей должно недремлющим оком иметь надзор над всеми движениями и связями государей, сильных в Европе, дабы они сами собою или содействием подвластных держав чего-либо предосудительного России не совершили”.

В своем меморандуме Ростопчин уделил внимание и Восточному вопросу: Турция, “расстроенная во всех частях”, безнадежно больна и на грани развала. При случае можно приступить к ее разделу: “Россия возьмет себе Романею, Булгарию и Молдавию, Австрия – Боснию, Сербию и Валахию” (помета царя: “Не много ль?”). Франции предоставлялся Египет. “Гречию со всеми островами Архипелагскими учредить по примеру венецианских островов республикою”, а “по времени греки и сами подойдут под скипетр российский” (помета Павла: “А можно и подвести”). Союз с Высокой Портой в записке представлялся конъюнктурной комбинацией, ориентация на “слабого соседа” перечеркивалась, допускался переход к откровенному экспансионизму без оглядки на то, к каким тяжелым последствиям это могло привести³⁰.

Меморандум Ростопчина не стал и не мог стать провозвестником нового курса во внешней политике России. Павловская дипломатия в известной степени восприняла высказанную еще Петром и Екатериной мысль об отсутствии у России антагонистических противоречий с Францией, “так как взаимно оба государства, Франция и Российская империя, находясь далеко друг от друга, никогда не смогут быть вынуждены вредить друг другу, то они могут, соединившись и постоянно поддерживая дружеские отношения, воспрепятствовать, чтобы другие своим стремлением к захвату и господству не могли повредить их интересам”³¹. Тезис сам по себе свидетельствовал о серьезных размышлениях об установлении прочного мира. Но предполагался отказ и той, и другой стороны от далеко идущих территориальных притязаний, способных нарушить баланс сил на континенте. А ведь Наполеон занимался этим всю жизнь! Если же учесть “замечательную подвижность ума” Павла, то шансов на установление вообще какого-либо прочного и постоянного внешнеполитического курса не существовало никаких.

И все же завязавшаяся между монархом и консулом переписка содержала немало примечательного. 18(29) декабря 1799 г. Павел в письме изложил некоторые важные постулаты: “Я не говорю и не хочу пререкаться ни о правах человека, ни о принципах различных правительств, установленных в каждой стране. Постараемся вернуть миру спокойствие и тишину, в которых он нуждается”³². А.З. Манфред счел эту фразу в устах самодержца “замечательной”, поскольку республиканские принципы в ней признавались имеющими право на существование, и Павел высказывался против вмешательства во внутренние дела других государств. Он молчаливо смирился с произошедшими во Франции революционными переменами, Бонапарт допускался в сонм европейских властителей, но на определенных условиях, включавших отказ от дальнейших завоева-

ний. Царь и Ростопчин с позиций монархического легитимизма требовали возвращения Мальты ордену иоаннитов, “водворения Сардинского короля в его владениях”, “неприкосновенности земель” Неаполитанского королевства, Баварии и Вюртемберга³³.

Все это было совершенно неприемлемо для Наполеона, и завязавшиеся переговоры забуксовали. От России в них участвовал вельможа старого закала С.А. Колычев, упрямый и высокомерный. На лесть он не поддавался, от предложенной роскошной резиденции отказался, предпочтя ей особняк посольства. Талейран именовал его, разумеется, за глаза, нахалом и болваном. Но переговоры французы не прерывали, Бонапарт не топал ногами и не бил посуды, как в иных случаях. Колычев разгадал их цели и тактику: “Весьма ясно желание правительства вовлечь Россию в убыточную войну не только с Англией, но и с самою Портою, дабы лишить ее сего союзника”, а в дальнейшем “ослабить и унижить государство, которое одно только может удержать равновесие в Европе”, т.е. Россию. Единственно, что удалось добиться Колычеву, так это признания Ионической республики. Дальнейшие беседы становились бесперспективными: “Не взирая на чрезвычайные почести и словесные уверения, кажется, что в сближении Франции с Россиею – ни малейшей искренности”³⁴.

И тем не менее Павел попался в сети парижской дипломатии. Именно тогда он получил письмо от первого консула с предложением совместной российско-французской экспедиции в Индию по маршруту Астрабад – Кандагар – река Инд. Уже современники называли присланную бумагу “лукавым планом с целью пленить безудержную фантазию императора”. Какие государственные соображения побуждали императора действовать на руку Бонапарту? Зачем было налагать запрет на выгодную торговлю с Англией и вызывать недовольство влиятельных кругов дворянства и купечества? Учинять поход в Индию?

* * *

Новое царствование началось при самых добрых предзнаменованиях. Александр амнистировал тысячи людей, которых гнев и раздражение отца отправили в места отдаленные. “Негласный комитет” его друзей, молодых вельмож, воспитанных в духе идей Просвещения (В.П. Кочубей, А.Е. Чарторыйский, П.А. Строганов, Н.Н. Новосильцев) стал неким совещательным органом при государе с целью проведения в стране преобразований, включая и разработку продуманной внешнеполитической концепции на смену происходившим при Павле метаниям из стороны в сторону.

Новосильцев на заседании 10(22) июня 1801 г. “в прекрасно составленном обзоре” показал, насколько внешние сношения “были нелепыми до настоящего времени, насколько их определяли интриги малых дворов” при полном игнорировании российских интересов³⁵. В своем разоблачительном порыве молодые люди забыли, что в политике Павла проявлялись и здравые черты, к ним относился и союз с Турцией, способствовавший отпору захватническим устремлениям революционной, а потом и наполеоновской Франции. Исследования последнего времени развенчивают прежнюю концепцию – реакционные монархии против провозвестницы свободы, равенства и братства. Не все происходило так прямолинейно и просто. Историк Н.Н. Яковлев-младший показал, что Великобритания вступила в войну с Францией отнюдь не во имя сокрушения прекрасных идей. Подход Питта, указывал он, “ни в коей мере не был идеологическим, тем более – доктринерским”. Инициатива объявления войны 1 февраля 1793 г. принадлежала не Уайт-холлу, а Конвенту, свято верившему в торжество над монархами. А всего за два дня до этого события Питт в бюджетной речи в Палате общин высказался за сокращение армии и флота и предрек 15 лет мира (в английской историографии его выступление нарекли “апофеозом нейтралитета”)³⁶. И Россия, и Англия воевали не против Фран-

³⁰ Русский архив, 1878, т. 1, с. 104–110.

³¹ Яковлев Н.Н. Британия и Европа. М., 2000, с. 56.

³² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы и материалы Министерства иностранных дел, т. 1. М., 1960, с. 61–62; Соловьев С.М. Император Александр I. Политика. Дипломатия. СПб., 1878, с. 35.

³³ История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1995, с. 30, 33.

³⁴ Трачевский А.С. Указ. соч., с. 306–308.

³⁵ Внешняя политика России в XIX и начале XX века, т. 1, с. 61–62.

³⁶ Яковлев Н.Н. Указ. соч., с. 56.

пузской революции, как таковой, а против развязанного ею оголтелого завоевательного курса, против сокрушения давно сложившихся государств и установления в Европе гегемонии Парижа.

Круто расправившись на словах с предшествовавшим правлением, Негласный комитет все же использовал кое-что из его опыта, а уж из наследия Екатерины черпал полной горстью. Кочубей изложил основы новой системы: "Нужно занять такую позицию, чтобы стать желанными для всех, не принимая никаких обязательств по отношению к кому-либо, как то делала покойная императрица". Александр развил эту мысль: надо воздержаться от заключения союзов, обуздать честолюбие Франции и установить добрые отношения с Великобританией. Негласный комитет воспринял тезис о балансе сил в Европе. В первом же своем циркулярном рескрипте царь внушал послам мысль о необходимости "поддержания мира и равновесия между государствами Европы". Выдвинутый принцип предполагал отказ от завоеваний, что относилось и к России, которая достигла естественных границ. Отечественная историография дает высокую оценку этим выводам: "внешней политике стремились придать стратегический характер, избегая по возможности случайностей при смене лиц у кормила правления"³⁷. С принципами все обстояло прекрасно, но как их претворять в жизнь, как обуздать честолюбивые притязания Франции и прервать завоевательный бег ее войск? Вопрос повисал в воздухе. Россия заняла равноудаленную от всех позицию. Лондону и Вене не удалось справиться с Наполеоном ни поодиночке, ни вместе. После разгрома австрийской армии при Маренго в 1801 г. Кобенцль подписал капитуляционный Люневильский договор: к Франции отошли земли по левому берегу Рейна (включая владения князей, с Наполеоном не воевавших), Бельгия и Люксембург; Австрия признала марионеточные республики – Гельветическую (Швейцария), Батавскую (Голландия), Цизальпинскую (Ломбардия) и Лигурийскую (Генуя).

В марте 1802 г. сдалась Великобритания. Правительство его величества по Амьенскому договору обязалось вернуть Франции и Голландии их колонии, исключая острова Цейлон и Тринидад, вывести войска с Мальты и вернуть ее ордену св. Иоанна Иерусалимского. Наполеон торжествовал.

Его отношения с Россией после убийства Павла I испортились. На случившийся переворот он ответил аннексией Пьемонта, образованием Итальянской республики на севере Аппенинского полуострова (1802 г.), президентом которой он и стал. Для ускорения процедуры избрания она состоялась в Лионе. Наполеон вмешался в распри кантонов в Швейцарии, ввел в страну войска и провозгласил себя "великим координатором" Гельветической республики, гласно взяв на себя функции третейского судьи, а негласно присвоив себе всю власть. На левобережье Рейна первый консул творил суд и расправу. Он уничтожил сословие духовных курфюрстов, а их земли передал покорным ему князьям. Лишившиеся владений или помышлявшие о приобретении новых пресмыкались перед "гражданином Бонапартом". "Фюрсты, – по словам А.С. Трачевского, – наводняли его передние, жажда его подачек, они ухаживали за его любимцами и лакеями, носили на руках его собачку, забывали на его столе драгоценные табакерки с червонцами"³⁸.

Жизнь быстро опрокинула сооруженный в Петербурге карточный домик схем, должествовавших обеспечить европейское равновесие. Тихо скончалась идея "заковать Францию в ее настоящие границы". По иронии судьбы Павел I, предприняв с подсказки Наполеона поход в Индию, состояния войны с Францией не прекратил, и Россия, единственная, продолжала в нем находиться. Вступать в единоборство с Наполеоном при том, что обстановка на континенте, по сравнению с концом прошлого столетия, кардинально изменилась в пользу Франции, молодой император Александр не собирался. Следовало не мешкая подключиться к процессу замирения. Трудную миссию переговоров возложили на графа А.И. Моркова, которому предстояло изыскать какую-то форму

³⁷ История внешней политики России, с. 30–33.

³⁸ Трачевский А.С. Указ. соч., с. 306–308.

возмещения (индемнизации) королям Пьемонта и Неаполя, изгнанным с континента на острова под охрану британского флота, и лишившимся владений князьям с левого берега Рейна. Первый консул сразу же жестко заявил: "Сперва мир, потом все другое". Замысел восстановления хотя бы хрупкого равновесия пришлось отложить в долгий ящик, договор с односторонними уступками со стороны России все же был подписан 26 сентября (8 октября) 1801 г. Он содержал признание режима консульства, завоеваний республики и в неопределенной, ни к чему не обязывающей форме обещание консула подумать насчет индемнизации.

В Петербурге придавали большое значение третьей статье приложенной к договору секретной конвенции, содержавшей согласие Наполеона прибегнуть к посредническим услугам российской дипломатии в предстоящих переговорах с Высокой Портой³⁹.

В сентябре 1801 г. брошенные Наполеоном в Египте французские войска сложили оружие перед англичанами. Капитуляция открыла путь к примирению между Парижем и Стамбулом. Союз последнего с Петербургом трещал по всем швам. Высокая Порта без всякого восторга пребывала в царских объятьях. Диван тяготился подчиненным положением, о котором, как о само собой разумеющемся, говорилось в российской дипломатической переписке, и не смирился с утратой Гюрджистана (Грузии). Сотрудничество с Францией позволяло надеяться на освобождение от российско-британской опеки.

Османская империя, казалось, приближалась к распаду. Власть султана до мест труднодоступных и отдаленных не доходила. В Албании сложились полунезависимые "княжества" Али-паши Янинского (включавшее и греческие земли) и Мустафы-паши Бушати. И по всей Румелии (европейской части страны) буйствовали разбойники кырджалии. Аян (правитель) Видина О. Пазванд-оглу хозяйничал в Болгарии и учинял набеги на соседнюю Валахию. Вторжения из-за Дуная начались здесь в 1797 г. и продолжались пять лет. Прибывшие в княжество султанские войска оказались не в состоянии справиться с ними, и населению пришлось содержать армию, неспособную его защитить. Страна превратилась в театр военных действий, и если турецкое командование свирепствовало с поборами, то рядовые предавались грабежу. И тем, и другим занимались и гарнизоны османских крепостей, расположенных в Валахии. Расписываясь в своем бессилии, Высокая Порта предписала валашскому господарю сформировать корпус наемников в 15 тыс. человек, а его молдавскому коллеге – в 6 тыс., что привело тех, по свидетельству российского консула, "в смущение" – не было ни денег, ни охотников служить Турции. В обоих княжествах росло недовольство фанариотским режимом, назначением на посты господарей (князей) греческих аристократов, традиционно проживавших в стамбульском квартале Фанар (откуда и пошло название их правления). Пришлые князья-греки появлялись в Яссах и Бухаресте в сопровождении толпы приспешников и перво-наперво возмещали затраты, понесенные ради обретения престола взятками и "подарками", вводя новые налоги и поборы. Фактически Молдавия и Валахия отдавались на откуп чужеземцам. Вечно нуждавшаяся в деньгах Порта была заинтересована в быстрой смене князей, дабы получить с новых причитающиеся казне платежи, не говоря уже о щедрых подношениях высоким лицам. На троне в Яссах в 1792–1802 гг. побывало пять господарей.

В таком состоянии застал княжества В.Ф. Малиновский, назначенный генеральным консулом с резиденцией в Яссах (1801–1802 гг.), неординарная личность, мыслитель, разделявший идеи Просвещения, будущий директор Царскосельского лицея. Порта оказалась восприимчивой к демаршам Зимнего дворца по дипломатической линии с целью укрепления автономных прав Дунайских княжеств, сопровождавшихся демонстрацией военной силы на границе.

По достигнутому с Россией соглашению в сентябре 1802 г. Турция обязывалась соблюдать права и привилегии Дунайских княжеств, вытекавшие из мирных договоров и внутренних актов, и право России выступать в защиту Валахии и Молдавии. Уста-

³⁹ СИРИО, т. 70, с. XIII. Обязательство не содержать войск на Ионических островах Россия нарушила, осталось 11 тыс. солдат и офицеров и 16 кораблей.

навливался семилетний срок правления господарей: сменяться они могли лишь в случае уголовного преступления с их стороны, признанного двумя дворами. Тем самым прекращалась чехарда с их назначениями и связанные с этим поборы и злоупотребления, и одновременно усиливался контроль царизма над утвержденными с его согласия господарями. Порта лишалась права устанавливать налоги и накладывать повинности сверх норм, существовавших с 1783 г., а князья утратили право самовольного введения налогов, должны были считаться с мнением диванов (т.е. боярской верхушки) и “проявлять особое уважение к внушениям министров российских”. Поставки в Стамбул зерна, скота, растительного масла и строительных материалов подлежали оплате по рыночным ценам, и княжества могли оспаривать требуемое Портой количество материалов. Валахия, опустошенная бандами Пазванда-оглу, была освобождена от уплаты дани и податей, но всего на год, большего срока добиться не удалось. Особо следует упомянуть признание за российской стороной права опротестовывать любые нарушения достигнутой договоренности. Условия соглашения между двумя державами были зафиксированы в хатт-и-шерифе (указе султана)⁴⁰, “дарованном” в том же году.

Но уберечь Османскую империю от растущего влияния Парижа не удалось. Морков не смог учредить в Париже надзора за турецкой делегацией в форме посредничества на переговорах. От османской стороны Морков получил лишь “клочок бумаги” с несколькими первоначально сформулированными статьями, на том “консультации” с ним и кончились. Франция по договору, подписанному в июне 1802 г., обязывалась уважать территориальную целостность султанской державы, а ее корабли могли плавать в Черном море, т.е. получили право прохода через Дарданеллы и Босфор. И уж совсем переполох в Петербурге вызвала весть о появлении в Париже делегации от Ионических островов с просьбой принять их под покровительство республики. С трудом удалось избавиться от этой угрозы⁴¹.

Царь предписал новому посланнику А.Я. Италинскому “прилежно иметь наблюдение за подвигами в Константинополе французских агентов”, проявляя особый интерес к их видам и “предположениям” в отношении Египта. Царь предостерегал Италинского насчет “двойности кабинета Туильрийского”, который “льстит” турок надеждой на возвращение Крыма. Вице-канцлер А.Р. Воронцов излагал ему опасения двора: “Всем известно, какое влияние имела Франция в прежние времена над турецким правительством. Первый консул, стараясь ныне взять над оным все поверхности, преуспел последним трактатом приобрести выгоды большие, нежели когда-либо Франция имела у Порты Оттоманской”⁴².

По ходу дипломатических баталий формировались новые доктрины. В инструкции Италинскому (ноябрь 1802 г.) излагалась концепция, от которой российская сторона отказалась – вынужденно – лишь после Крымской войны. Черное море признавалось озером или морем внутренним, в которое “и входу нет как через Канал, и владение коим принадлежало державам, берегами своими его окружающим”.

* * *

Амьенский мир длился всего год и месяц, британцы сочли его условия слишком невыгодными для себя. Они спохватились, что “утвердили за Францией господство в Италии и на материке” и не желали расставаться с ключевой позицией в Средиземном море, островом Мальта. Бонапарт изыскался с послом Ч. Уитвортом все в более жестких тонах: у него под рукой 400 тыс. солдат и еще 60 тыс. в резерве. Они готовы к броску через Ла-Манш, берегись, Англия! Уитворт жаловался Моркову – первый консул разговаривал с ним на языке драгунского капитана⁴³. В депеше от 4(16) марта 1803 г. Морков

⁴⁰ Istoria Romaniei, v.3. Bucuresti, 1964, p. 718.

⁴¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. Посольство в Париже, 1802, д. 2, л. 85, 18, 36, 51–52.

⁴² Внешняя политика России XIX и начала XX века, т. 2. М., 1961, с. 697.

⁴³ Там же.

описывал разыгравшийся (точнее – разыгранный) первым консулом скандал на приеме: Бонапарт, казалось, задыхался от гнева, не позволявшего ему выбирать выражения. Он кричал: “Мальта или война, и горе тому, кто нарушает договоры!”⁴⁴. Уходя, он демонстративно увел с собою министров иностранных дел, военного и морского. Далеко не все даже в высших сферах Парижа одобряли такую воинственность генерала. Братья, Жозеф и Люсьен, отговаривали его от решающего шага, ссориться с владычицей морей означало идти на риск потери колоний и торгового флота. Но Наполеон закусил удила. В мае 1803 г. война с Великобританией возобновилась, французские войска заняли курфюршество Ганновер, континентальное владение английских монархов, а флот его величества перехватил 1200 купеческих кораблей Франции и ее союзников и приступил к захвату ее колоний.

В Петербурге понимали, что надежды на утверждение в Европе справедливого мира рассеялись. Тревожил уже вопрос – где остановится Бонапарт? А.Р. Воронцов в письме к брату Семену, послу в Лондоне, делился своими тревогами: “На море французам нечего будет делать противу Англии, потому-то они и захотят выместить оное сухопутными своими силами, а тут и выйдет жертвою немецкая земля, Италия, а может и турецкие области”. Здесь галльские смутьяны могут учредить демократическую республику, и “будут тогда они из смежных с нами провинций рассеивать между жителями южных областей наших плевелы развратного их учения, последствия коего хуже самой неудачной войны”⁴⁵.

Весной 1803 г. послом Франции в Стамбуле стал генерал Г. Брюн, некогда сменивший “самого” Бонапарта на посту командующего армией в Италии, и приступил, по словам Италинского, “к повреждению существующего между Россией и Портой доброго согласия”, намекая на то, что союз с Францией “может послужить Порте к возвращению Крыма под державу его султанского величества”.

В 1804 г. ситуация осложнилась еще больше: восстали сербы. Впервые широкое освободительное движение вспыхнуло вне связи с русско-турецкими войнами и вообще какими-либо акциями великих держав. Отечественная дипломатия очутилась в щекотливом положении: надо было изыскать пути поддержки отчаянно, а часто и успешно, сражавшихся сербов и в то же время ухитриться не рассориться с Высокой Портой. В сентябре того же года делегация повстанцев прибыла в Петербург с просьбой о помощи и, как подозревали в Стамбуле, о покровительстве. Мнительный Селим III встретил поступившую информацию с негодованием, расценив визит как вызов бунтовщиков⁴⁶. Но не переговоры с Г. Брюном, а позднее – со сменившим его генералом О. Себастиани и даже не вести из Белградского пашалыка определили в конечном счете позицию Высокой Порты, а события, развернувшиеся много севернее.

В мае хлопотливого 1804 г. Наполеон изъявил согласие на предложение сената и принял титул императора французов, а Талейран потребовал у послов представить новые верительные грамоты, что и де-факто, и де-юре означало признать императорский сан выскочки и тем самым поощрить его на новые захваты. В августе того же года произошел разрыв российско-французских дипломатических отношений. Надвигалась война.

В декабре в Лондоне побывал Новосильцев, официально в качестве товарища министра внутренних дел и для консультаций по правовым вопросам. Приняли его весьма приветливо, предвкушая сотрудничество против Наполеона. Визитер заверял премьер-министра, что император и Россия “не стремятся к какой-либо выгоде для себя лично” в Европе, а хотят лишь “освободить некоторые независимые нации от постыдного рабства”, в котором они томятся под игом Франции, избавить их от тирании Бонапарта. О возвращении Бурбонов на престол он упоминал крайне сдержанно. Это – “второстепенная цель”, достижимая, если сами французы выскажутся “за”. Главное – вос-

⁴⁴ Там же, с. 613, 633.

⁴⁵ СИРИО, т.82. СПб., 1892, с. 434, 442.

⁴⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века, т. 3. М., 1963, с. 226–231, 255.

становить “равновесие в Европе, утвердить ее безопасность и спокойствие на прочной основе”, вернуть Францию в прежние границы или договориться о новых, отвечающих интересам всеобщего спокойствия, избавить Голландию, Швейцарию и Италию от “унизительного порабощения”.

В беседах не была обойдена вниманием и Османская империя. В полученных Новосильцевым инструкциях говорилось об “анархическом характере ее строя и увеличивающемся недовольстве ее христианских подданных”. Осторожно ставился вопрос, “каким образом устроить судьбу ее различных частей”, если “существование Оттоманской империи в Европе станет невозможным?”. В таком случае предусматривалась вероятность “создания одной или двух республик – греческой и славянской – под сюзеренитетом обеих империй”, Турецкой и Российской, наподобие Ионических островов⁴⁷.

Питт с готовностью принял предложение о союзе и обещал выделить еще не существовавшей коалиции 5 млн. фт. ст. со 2 января 1805 г. К рассуждениям своего собеседника о высоких принципах он проявил полное равнодушие, по словам известного британского историка Ч. Вебстера, премьер “менее всего желал крестового похода будь то во имя конституционных свобод или республиканских вольностей”, а хотел одолеть Наполеона на суше силами России, Австрии и Пруссии, да притом так, чтобы две последние державы “были в такой же мере против России, как и против Франции, хотя эта цель, естественно, не была раскрыта”⁴⁸. Здесь сэр Чарлз констатировал ту степень доверия, с которой два двора, Виндзорский и царский, заключили друг друга в объятия. На рассуждения Новосильцева о судьбе Османской империи премьер-министр не реагировал – уж слишком нереальными они представлялись и полностью расходились с утверждавшейся в Лондоне доктриной статус-кво, предусматривавшей сохранение власти Турции на Балканах. Вывести войска с Мальты, что составляло предмет самых острых разногласий с Наполеоном, англичане отказались наотрез, ссылаясь на мнение парламента и всей нации. Что касается императора французов, то он демонстрировал “склонность к миру наоборот”, поспешив присоединить Геную. “Бонапарт обращается с нами, как с мальчишками”, – возмущался Чарторыйский⁴⁹.

Дважды побитый венский двор рвался в союз, но надо было преодолеть некоторые препятствия. Габсбурги хотели упорядочить германские дела к своей выгоде, упрочив в империи свое влияние к ущербу для Пруссии. Третьим игроком выступали князья, не желавшие терять самостоятельности, четвертым, и самым могущественным – Наполеон, настраивавший фюрстов и против Вены, и против Берлина. Не зажили и раны австро-русских противоречий на Балканах. Вовлечь Пруссию на том этапе в союз не удалось, она собиралась остаться в стороне, надеясь выторговать у сражавшихся уступки.

Позиция Высокой Порты вызвала опасения: сохранит ли она верность договору? По здравому размышлению в Петербурге решили, что пока для паники нет оснований, “соединиться с Францией” Турция не может из-за отсутствия общей границы, “коя у России с ней имеется”, а на водных просторах господствует владычица морей. Посулы Брюна звучали заманчиво, а намеки на Крым возбуждали мечты. Но те же французы обращались к “поголкам Ликурга” с соблазнительными речами и сносились с сепаратистски настроенными феодалами, включая Али-пашу Янинского. Показателем позиции Высокой Порты стала проблема признания ею императорского титула Наполеона, о чем неустанно хлопотал Брюн, добившийся, в конце концов, успеха. Но, желая сохранить добрые отношения с Россией, турки пошли на заключение оборонительного союза с нею.

Первоначальный российский проект договора преследовал далеко идущие цели – приковать Порту к англо-русской коалиции и значительно расширить права христиан. Он предусматривал освобождение Ионической республики от турецкой зависи-

мости, признание независимости Черногории, упрочение автономии Дунайских княжеств, придание автономного статуса Сербии и, возможно, Греции, свободный проход российских военных судов через Проливы и закрытие их для кораблей других стран, размещение отряда в 10 тыс. на Дунае. С химерами пришлось расстаться.

Подписанный 11(23) сентября 1805 г. акт содержал взаимную гарантию владений, стороны обязывались помогать друг другу вооруженными силами или деньгами в случае нападения на одну из них. Седьмая статья фиксировала их согласие рассматривать Черное море как закрытое и не допускать появления в нем посторонних военных или каперских кораблей. Так в международное право был введен важнейший принцип закрытия Черного моря для всех военных флотов кроме российского и турецкого. Попытки Александра I улучшить участь христиан потерпели полную неудачу. Селим заявил: “Предоставление райе привилегий и равенства в правах противоречит всем нашим политическим и религиозным принципам”⁵⁰.

Третья антифранцузская коалиция формировалась долго и трудно. Австрия и Пруссия спорили между собой, пытаясь делить еще не завоеванные земли. Бонапарт соблазнил последнюю присоединением Ганновера, фамильного владения английских королей, что насмерть рассорило бы Пруссию с Великобританией. Короля Фридриха Вильгельма II вообще удалось привлечь в союз лишь в ноябре 1805 г., уже после того, как австрийцы сдали крепость Ульм, тем самым предопределив вторжение в свою страну. Экспедиционный корпус под командованием М.И. Кутузова оказался в критическом положении. Он, по словам А.Е. Чарторыйского, “не насчитывает и 70 тысяч человек и не сможет долго выдержать натиск победоносной армии Бонапарта численностью в 140 тысяч”. Развязка наступила скоро. 2 декабря в кровопролитной битве при Аустерлице (ныне – Славков в Чехии) русские и австрийцы потерпели поражение. Император Франц сразу же запросил мира. Явившийся к Наполеону не вовремя с ультиматумом прусский министр спрятал опасную бумагу в карман и заключил с ним союз. Третья коалиция распалась. На переговорах в Пресбурге (ныне – Братислава в Словакии) Австрия потерпела не менее сокрушительное поражение, нежели под Аустерлицем. Не последнюю роль в решении о поспешной сдаче сыграл “прусский фактор” – опасение, что берлинские хитрецы воспользуются занятостью Австрии на войне для решения немецких дел в свою пользу.

Вена признала все завоевания Бонапарта в Италии, согласилась на учиненную им перекройку карты Германии в пользу своих сателлитов. Австрия потеряла Венецию, Истрию, Далмацию, уступив их итальянскому королю, т.е. тому же Наполеону, который стал непосредственным соседом Османской империи. Случилось то, чего пуще огня боялся царский двор. Чарторыйский счел, что Турция “отдана во власть Бонапарту”⁵¹.

Россия осталась на континенте в полном одиночестве. Австрия залечивала полученные раны, Пруссия ждала подачек со стола победителя. Властитель Франции, Италии, Швейцарии, протектор Рейнского союза “и прочая, и прочая” взирал на плоды своего полководческого гения. О том, чтобы скрестить с ним мечи один на один, было страшно и подумать. Последовавшая мирная инициатива российского двора выглядела как-то несолидно, в Париж снарядили статского советника (т.е. полковника на гражданской службе) П.Я. Убри. Его снабдили инструкцией, оставлявшей мало надежд на удачу: остров Мальту отдать на хранение российскому императору, Ионической республике предоставить независимость, созвать конгресс для обсуждения “всего, что могло бы способствовать обеспечению независимости европейских государств”.

В итоге последовал провал, которого в Зимнем дворце даже не ожидали. Французы во главе с генералом А. Кларком выдвинули жесткую программу урегулирования: признание наполеоновских ставленников на тронах Неаполя, Голландии, Баварии, Вюртем-

⁴⁷ СИРИО, т. 89. СПб., 1893, с. VI–VII.

⁴⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века, т. 3, с. 99–109, 133–134.

⁴⁹ Там же, с. 443, 465.

⁵⁰ Александр I, Наполеон и Балканы, с. 173.

⁵¹ Петров В.И. Война России с Турцией в 1806–1812 гг., т. 1. СПб., 1885, с. 40–41, 50, 56.

берга и других, отказ от покровительства Молдавии и Валахии и прохода российских военных судов через Босфор и Дарданеллы⁵².

Убри отказался обсуждать “странный проект”. Но, свидетельствовал этот чиновник, французское правительство “так наседало на меня, что я согласился подписать окончательный договор” 8(20) июля 1806 г. По его условиям российские войска покидали Далмацию, Ионическая республика провозглашалась независимой без консультации с Турцией, ее формальным сюзереном, российский гарнизон на острове Корфу сокращался до 4 тыс. человек. По секретной статье Неаполитанский король переселялся с Сицилии на Балеарские острова, принадлежавшие Испании.

В Петербурге, ознакомившись с подписанными Убри бумагами, ужаснулись. Он грубейшим образом нарушил данные ему инструкции. Договор хоронил всякую надежду на индемнизацию пострадавшим государям, а вместе с тем и расчеты на сохранение хотя бы пошатнувшегося равновесия сил на континенте, молчаливо признавалась вся система наполеоновского господства в Европе с покорными королями и князьями. России предлагалось удалиться от европейских дел и предоставить их решение Бонапарту. Придя в себя от шока, Государственный совет высказался против ратификации договора⁵³. Убри предложили уйти в отставку.

Отношения с Францией были испорчены окончательно. Российская дипломатия принялась обхаживать прусского монарха с целью вовлечь его в коалицию, преодолевая его сомнения, колебания и страхи, и на сей раз успешно. В сентябре 1806 г. Пруссия, а вслед за нею и Швеция, напуганные отнюдь не призраком французского всемогущества, примкнули к России и Великобритании. А в октябре прусская армия рассыпалась под ударами наполеоновских войск. Англичане бездействовали. Россия вновь оказалась один на один с грозным завоевателем.

С нелегким сердцем Александр I решился 16(28) ноября 1806 г. открыть военные действия. После долгих колебаний его выбор главнокомандующего остановился на дряхлом фельдмаршале М.Ф. Каменском, хотя тот заявлял, что по старости на эту ответственную роль не годится. За семь дней командования он нанес своим войскам больше вреда, нежели неприятель, завязший в непролазной осенней грязи. Каменский немедленно распорядился начать отступление, предписав некоторым частям для ускорения марша оставить пушки⁵⁴. Хорошо еще, что Наполеон заподозрил скрытый стратегический замысел в непонятных маневрах старца и преследовать отступающих не стал. Оправившись от “командования” Каменского, русские дали два кровопролитных сражения под Пултуском и Прейсиш Эйлау, в которых держались с честью, и обе стороны приписали победу себе. А тут еще возникла проблема с Турцией.

Почти на протяжении всего 1806 г. российская дипломатия прилагала отчаянные усилия, пытаясь воспрепятствовать переориентации Высокой Порты на Францию. Если Турция ринется в объятия Наполеона, мрачно предрекал Италинский, ее ждут гибель, в то время как сохранение Османской империи является предметом постоянной заботы царя. Про себя дипломат полагал, что увещеваниями делу не поможешь, надо Порту “содержать в страхе” и для убедительности занять войсками Дунайские княжества. Той же позиции придерживался Чарторыйский⁵⁵.

Порта в ответ на увещевания потребовала прекратить проход через Проливы российских военных и торговых судов, тем самым гарнизон острова Корфу и эскадра адмирала Д.Н. Сенявина отрезались от баз снабжения и ставились под удар войск маршала Мармона. Французские уши явно торчали из турецкой “инициативы”.

10(22) сентября 1806 г. Италинский обратился непосредственно к султану Селиму, пытаясь предостеречь того от союза с Наполеоном: у последнего в Далмации, уверял посланник, небольшие силы, и он не сможет предпринять ничего эффективного, “пока у

вашего высочества будут для защиты империи два таких верных и бескорыстных союзника”, как Россия и Англия⁵⁶. Италинский погрешил против истины, обрисовав радужную картину российско-британского преобладания в регионе. Вскоре произошел молниеносный разгром Пруссии, дела антинаполеоновской коалиции пошли хуже некуда, и его аргументы повисли в воздухе.

Роль беса-искусителя в Стамбуле исполнял способный дипломат Себастиани. Инструкции для него продиктовал лично император: его задача – внушить доверие к Франции, стремящейся к укреплению власти падишаха. Он, Наполеон, не посягает ни на вершок турецкой земли. Французские агенты распространяли слухи о готовящемся для России унижительном мире, Порта запретила своим подданным-грекам, владельцам судов, плавать под российским флагом, как то водилось. Господарей Дунайских княжеств К. Ипсиланти и А. Мурузи сместили по подозрению в симпатиях к России. Себастиани и соблазнял, и запугивал турок: они стоят перед выбором – или война с гениальным и непобедимым Наполеоном, или с покинутой союзниками неудачницей Россией с возможной перспективой возвращения Крыма. Так стоит ли колебаться?⁵⁷

И все же Селим медлил и не принимал решения. Действия французов противоречили их сладким речам. Расположившись после Пресбургского мира в Далмации, они заняли и Дубровник (Рагузскую республику), входивший в состав Османской империи, и положили конец более чем тысячелетнему существованию этого славянского государства. Надо было усмирять сербское восстание. Паши по Дунаю своевольничали и явно проявляли сепаратистские тенденции. Французские посулы на бумаге не могли заменить батальонов на поле боя. Италинский докладывал: “Порта внутренне худо расположена к нам, но, не чувствуя себя в силах явно обнаружить образ своих мыслей, вероятно, ожидает времени, когда Бонапарт соберет значительные силы в Далмации, и тогда соединится с Францией”. Вывод вытекал сам собой, ждать опасно. Лазутчики представляли занятие Дунайских княжеств чем-то вроде увеселительной прогулки: гарнизоны в Хотине, Бендерах и Измаиле слабы, а склады в этих крепостях ломятся от запасов продовольствия и фуража. Местное население русским сочувствует. Со всех сторон раздавались предупреждения: промедление если не смерти подобно, то уж потере позиций на Балканах равнозначно. Последним аргументом, побудившим царя отбросить сомнения и взвалить на Россию груз второй войны, явилось донесение генерала И.И. Михельсона, назначенного командующим Дунайской армией: “Замыслы французов на Молдавию и Валахию явственны, их предприимчивость и быстрота известны. Ежели мы не упрем их до берегов Дуная, то ручаться нельзя, чтобы они нас не упредили, и тогда будет трудно бороться”⁵⁸.

Александр медлил до середины октября 1806 г. В рескрипте на имя Михельсона царь подчеркивал, что не имеет никаких намерений “относительно завоевания принадлежащих Турции владений”⁵⁹ и собирается лишь восстановить с ней союз. Генерал располагал ограниченными силами, которые в последний момент были ослаблены переброской значительной их части на север против Наполеона. Границу перешли всего 33 тыс. человек.

Порта не утратилась вызова, и 18(30) декабря 1806 г. объявила России войну. Соответствующего царского манифеста не последовало, возможно, Александр надеялся быстро погасить конфликт, война с российской стороны осталась необъявленной. Вооруженные силы Порты на бумаге выглядели солидно: 260-тысячная армия, флот в 12 линейных кораблей и 6 фрегатов. Но многие паши “тянули одеяло на себя”, 25-тысячный корпус сражался против сербов, большие силы охраняли Стамбул от возможного британского десанта. Армия Михельсона почти без сопротивления заняла крепости Хотин, Бендеры и Килия, но под Измаилом русские застряли, не решаясь на штурм.

⁵² Там же, с. 59.

⁵³ *Driault E. La politique orientale de Napoleon (1805–1812). Paris, 1904, p. 93–107.*

⁵⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века, т. 3, с. 738–739.

⁵⁵ Там же, с. 11.

⁵⁶ Там же, с. 643–646.

⁵⁷ *Driault E. Op. cit., p. 227–229.*

⁵⁸ СИРИО, т. 89, с. 6; История внешней политики России, с. 63.

⁵⁹ Там же, с. 75.

19 февраля 1807 г. эскадра английского адмирала Д. Дакуорта (6 линейных кораблей, 3 фрегата) вошла в Дарданеллы, оттуда в Мраморное море и почти без сопротивления расстреляла стоявшие там турецкие корабли (по случаю праздника курбан-байрама почти все турецкие офицеры и матросы находились на берегу). В Константинополе возникла паника. Посол Ч. Арбетнот, прибывший на флагманском судне "Роял Джордж", предъявил туркам ультиматум с условиями, которые можно навязать разве что разгромленной стране: выслать Себастиани (что означало – порвать с Францией), возобновить союз с Англией и Россией, согласиться на пребывание российских войск в Дунайских княжествах и британского флота в Проливах.

Но капитулировать османы, поддержанные французами, отказались.

Вместо военной прогулки Россия получила на Балканах тяжелый фронт. Поглощенная схваткой с Наполеоном, страна могла выделить сюда ограниченные силы. В Петербурге были готовы удовлетвориться малым. Посланный для неофициальных контактов корсиканский эмигрант, в будущем известный русский дипломат К.О. Поццо ди Борго, вез с собой довольно выгодные для турок условия: восстановить мир на основе старых трактатов, в отношении Дунайских княжеств – подтвердить хатт-и-шериф 1802 г., сербов – "не предавать в жертву"⁶⁰.

Поццо прибыл в самый неподходящий момент. Янычары свергли с престола и убили султана Селима III, его преемник Мустафа IV пребывал в страхе перед этой буйной вольницей.

Война велась Россией в защиту прежних, уже обретенных, позиций в регионе и – объективно – ради расширения прав христианских народов. Но это-то и не устраивало Порту, ибо, как откровенно изъяснялся Чарторыйский в меморандуме (начало 1806 г.), "нужно иметь Турцию единственно в нашем распоряжении. Надлежало стараться усилить наше влияние на сие государство, удалив всех совместников так, чтобы Порта не следовала никакой другой воле, ни другой политике, кроме нашей"⁶¹. Именно этого стремился избежать Диван, и миссия Поццо провалилась.

Между тем тучи сгущались на главном театре войны, в Восточной Пруссии. В штабе считали, что поражения не миновать. Друзья молодости царя, члены уже бывшего Негласного комитета, советовали Александру I мириться. 2(14) июня 1807 г. произошло несчастное для россиян сражение под Фридрихсфелдом.

Последовали тильзитские встречи двух императоров, сперва на плоту посреди Немана, затем – в более подходящей для бесед обстановке. В первый раз в своей жизни Наполеон заключал мир, не вступив на территорию неприятеля. Впервые два его гонца, посланные с предложением о перемирии, вернулись ни с чем, лишь третий принес весть о согласии царя на свидание. Россия не была сломлена, на западе страны располагалась 200-тысячная армия, у Наполеона под рукой – 100 тыс. человек. Ничего похожего на прежний опыт – разгром армии противника, преследование его войск кавалерией, диктат условий примирения в столице. А здесь – отступавшие от Фридрихсфелда российские полки на виду у французов переправились через Неман, последняя обозная повозка прогрохотала по мосту, потом казаки сожгли все переправы на глазах у вражеских кавалеристов.

Наполеон во время переговоров не топтал ногами и не бил посуду, как случалось ранее, а очаровывал царя: Александра I следовало залучить в союз против Англии, что было мыслимо лишь в случае партнерства, а не подчинения. Требовалось создать хотя бы видимость равноправия. Наилучшим выходом представлялось устремить российский экспансионизм в балканском направлении, а в качестве искупительной жертвы предоставить Османскую империю. Однако предавать так просто державу, с которой вместе совсем недавно собирались воевать против России, не годилось, тем более что в таком случае Высокая Порта могла переметнуться на сторону Англии. Статьи 21–24 Тильзитского договора предусматривали прекращение военных действий на Дунае, вы-

вод российских войск из Молдавии и Валахии (без права их занятия турецкими), посредничество Наполеона при заключении мира между Петербургом и Стамбулом "с выгодами и достоинствами для обеих империй". Достичь невозможного – удовлетворить обе стороны – поручалось Наполеону. Зато четко и определенно в трактате обозначались приобретения Франции: к ней отходили Бока Которская (Катарро) и Ионические острова. Самой важной, с точки зрения Александра I, являлась восьмая статья навязанного ему в тот же день 25 июня (8 июля) 1807 г. оборонительного и наступательного союза с Францией, в которой говорилось, что если Порта не примет посредничества Франции или "если после принятия оно случилось бы, что в трехмесячный срок по открытии переговоров последние не привели бы к удовлетворительному результату, то Франция станет действовать против Оттоманской Порты, обе договаривающиеся стороны вступят в соглашение о том, чтобы освободить из-под ига и мучений турецких все провинции Оттоманской империи в Европе за исключением города Константинополя и провинции Румелия". Протесты турецкой стороны Париж отверг: "Разве должен император ради того правительства, непостоянного, капризного, жестокого, отказываться от почетного мира с Россией?"⁶².

В Тильзите произошел крутой поворот в российской внешней политике. Бонапарт в одночасье превратился из "неистового врага мира и благословенной тишины" и даже "гонителя веры Христовой" в союзника. Александр I взвалил на свои плечи колоссальную ответственность за совершенный шаг. Произошел раскол в царской семье. Брат Константин занимал капитулянтскую позицию и однажды открыто, "при всем честном народе", поссорился на этой почве с государем. Мать, Мария Федоровна, и сестра Екатерина, напротив, предостерегали его от сговора с "Бонапартием". Но, как царь сказал в объяснении с матерью, "бывают обстоятельства, в которых нужно думать преимущественно о самосохранении и не руководствоваться никакими правилами, кроме мысли о благе государства"⁶³.

И все же новая внешнеполитическая концепция возникла не на пустом месте. В правящих кругах существовала группировка, полагавшая, что союз с Англией обходится слишком дорого, он привел к плачевным результатам. Некоторые сановники надеялись, что Европы хватит на двоих и Наполеон оценит российское сотрудничество по достоинству. Придерживавшийся этой точки зрения граф Н.П. Румянцев стал канцлером. Н.К. Шильдер замечал: "Наполеон уже издавна сознавал, что ему нужно приобрести для Франции серьезного континентального союзника, на которого можно было бы положиться в будущем". Сам Бонапарт писал Талейрану: "Необходимо, чтобы все это кончилось системой тесного союза или с Россией, или с Австрией". Субъективное желание существовало. Однако установить с союзником доверительные, с учетом интересов последнего, отношения французский властитель был не в состоянии, его экспансионизм не знал берегов. В этом противоречии состояла психологическая драма Наполеона. Французский историк Э. Дрио констатировал: Бонапарт не собирался открывать русским доступ к Средиземному морю, "никогда он не хотел делить с ними старый римский мир"⁶⁴. Французский завоеватель не собирался "по честному" производить раздел Европейской Турции, во что на какое-то время поверила отечественная дипломатия. Наступил своего рода "тильзитский зигзаг" во внешней политике, самодержавие стремилось доказать, что союз с Францией принесет не одни убытки, а даст на руки и политические козыри. Заблуждение длилось недолго. Франция уже вплотную подобралась к Балканам и не желала отдавать их на откуп России или Австрии и безучастно взирать на укрепление их мощи. Еще одно соображение тревожило Париж: безмерное ослабление державы султана превращало ее восточные владения в легкую добычу для англичан. Поэтому постоянным оставалось желание не отдавать Турцию в добычу соперникам. В инструкции А. Коленкуру при назначении его послом в Петербург говорилось:

⁶² Петров А.И. Указ. соч., с. 279–280.

⁶³ Там же, с. 271–283.

⁶⁴ Александр I, Наполеон и Балканы, с. 148–151; СИРИО, т. 83. СПб., 1892, с. 231, 233.

⁶⁰ История внешней политики России, с. 75.

⁶¹ АВПРИ, ф. Дипломатическая канцелярия Дунайской армии, 1807 г., кн. 3, д. 29, л. 241.

“Император очень далек от мысли о разделе Турецкой империи и считает эту меру пагубной”. Следовало поэтому манить Александра I миражом раздела, а самому на правах посредника в переговорах этого раздела не допускать. По словам А.Ф. Миллера, Бонапарт, “не скупясь на обещания Александру, всячески оттягивал практическое решение этой проблемы. Постоянным в восточной политике Наполеона было одно: стремление углубить посредством восточного вопроса разногласия между Россией, с одной стороны, Англией и Австрией – с другой”⁶⁵.

Проницательный Александр понимал, какую опасную игру с ним ведут, и писал матери: “Союз с Наполеоном – лишь изменение способов борьбы против него. Он нужен России для того, чтобы некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства и силы”⁶⁶. Но борьба в форме союза не могла стать новым внешнеполитическим курсом России, тильзитский зигзаг явился лишь временной, на пять лет, комбинацией, после чего все вернулось на круги своя. А пока что предстояло внести самый крупный взнос по тильзитским счетам – пойти на разрыв с Англией и присоединиться к объявленной Наполеоном континентальной блокаде.

Война с Турцией выдалась долгая, кровопролитная и беспросветная. Сражался ограниченный контингент российских войск. Казалось, его следовало бы пополнить после окончания войны в Восточной Пруссии. Но угроза противоборства с Наполеоном не проходила, а приближалась. Загонять в таких обстоятельствах войска в захолустье Юго-Восточной Европы было рискованно. Посол в Париже граф П.А. Толстой, в прошлом боевой генерал, раньше других распознал химерическую суть рассуждений Бонапарта о разделе Турции. В декабре 1807 г. он делился с царем своими опасениями: “Надежда восстановить с сим правительством долговременный и основательный мир есть обман, коим ослепляются слабые умы, не чувствующие в себе никакой силы сопротивления, теряя тем самым время и самые способы приуготовить себя к обороне. Действия необузданной власти императора Наполеона, деятельность и искусство людей, его окружающих, необыкновенны. Гиспания и Португалия скоро падут под иго Франции, а потом восстановление Польши будет предметом его славолубия”. Следует не мешкая готовиться к схватке с ним, “ежели же не примутся нужные меры, то внезапно и с удивлением увидим мы французские армии на границах наших, и тогда последствия будут неисчислимы”. В другом письме посол предрекал: “Прежде чем напасть на русского колосса, Наполеону необходимо сокрушить все вокруг него, постараться полностью его изолировать, отделив от него Австрию”⁶⁷.

Побывавший командующим в 1809 г. князь П.И. Багратион нелицеприятно докладывал императору: “Удостоверился я совершенно, что силами и способами, в распоряжении моем состоящими, я отнюдь не буду в состоянии принудить визиря к заключению мира в продолжении нынешней кампании”⁶⁸. И он, и его предшественники одержали немало побед, но решительной, не говоря уже о решающей, добиться не удавалось. В 1809 г. Великобритания вышла из войны с Турцией, что еще более осложнило положение. Посадить турок за стол мирных переговоров на условии уступки России Дунайских княжеств не удавалось.

* * *

В 1808 г. появились первые признаки, предвещавшие упадок и гибель наполеоновской державы. Правда, тогда ни сам император, ни его недруги об этом не задумывались. В феврале британское правительство устами короля Георга объявило, что намерено сражаться до конца. В мае испанцы восстали против попытки порабощения своей

⁶⁵ Миллер А.Ф. Мустафа паша Байрактар. Османская империя в начале XIX века. М. – Л., 1947, с. 214.

⁶⁶ СИРИО, т. 88. СПб., 1893, с. 324; Вандаль А. Наполеон и Александр I. СПб., 1910, с. 217.

⁶⁷ Сироткин В.Г. Дуэль двух дипломатий. М., 1966, с. 98–99.

⁶⁸ Миллер А.Ф. Указ. соч., с. 288, 307, 17.

страны. В июле под Бейленом впервые сложил оружие целый корпус французской армии. В Португалии высадились британские войска под командой генерала Артура Уэлсли, будущего виконта, графа и герцога Веллингтона, и двинулись в Испанию. А сам Наполеон, в полном соответствии с мрачными предсказаниями Толстого, стал готовиться к расправе над древней и непокорной испанской землей.

Союз с Александром, связывавший тому руки, стал ему крайне нужен. Еще 2 февраля 1808 г. он сочинил царю письмо, полное заманчивых, но ни к чему не обязывающих обещаний. Он провозглашал наступление “эпохи великих перемен и великих событий”, предлагал организовать поход на Индию, ввернув намек на то, что согласен на “предварительные условия”, связанные с этим предприятием. Коленкур получил другое письмо, предназначенное царю, коему надлежало вручить копию. В нем Наполеон свидетельствовал свою готовность подумать о разделе Османской империи. Не случайно предложение делалось не в прямом обращении к Александру, а в бумаге, относившейся к разряду внутренней переписки, в первом случае упоминание о судьбе султанских владений носило на себе печать международного обязательства, во втором это было размышление вслух. Внимание Наполеона приковал к себе Запад, турецкие дела отошли на второй план. Он решил самолично наказать пиренейских строптивцев и подчинить себе Испанию. И тогда, по словам А.Ф. Миллера, фантастика было изъята из русских планов, химерические проекты раздела Османской империи оставлены и внимание сосредоточено на приобретении Дунайских княжеств.

То, что он накрепко застрял на Пиренеях, видимо, не сознавал тогда ни сам полководец, ни кто-либо иной. Но то, что происходило нечто из ряда вон выходящее, Александр I не мог не заметить. Наполеон заманивал его на свидание, а царь, отличавшийся страстью к путешествиям, тянул и медлил. Время играло ему на руку, не он, а французы жаждали договоренности. Вырисовывалась некоторая возможность маневрирования.

Лишь осенью 1808 г. Наполеону удалось заманить царя на свидание в Эрфурте. Бонапарт демонстрировал перед ним свое могущество. В город прибыла старая гвардия, парады следовали один за другим, императора французов окружала толпа подобоостренных королей, князей и герцогов. По вечерам публику услаждала своими представлениями Комеди Франсез, спешно вызванная из Парижа. Но ведь раньше в подобном антураже нужды не ощущалось! Трещины в системе наполеоновского господства проступали все явственнее. В Испании полыхала война, Австрия готовилась скрестить мечи с завоевателем. Талейран, тот самый, что участвовал в переговорах в Тильзите и воплощал на бумаге волю Наполеона, предложил Александру свои услуги осведомителя. Старый лис совершал третье в своей жизни предательство.

Уточнения, внесенные в Эрфурте в “тильзитскую систему”, были в общем на пользу царю. Наполеон согласился на переход к России Дунайских княжеств и Финляндии, на вывод своих войск из Пруссии, признал вхождение Грузии в Россию, не возражал против предоставления Сербии автономии. Царь в общей, ни к чему не обязывавшей форме, обещал оказать Наполеону содействие в случае его войны с Австрией. Но само упоминание о такой возможности свидетельствовало, что позиции Бонапарта в Центральной Европе не так уж сильны. Да и Александр умел лицемерить ничуть не хуже своего партнера, помогать тому душить Габсбургскую монархию и убирать тем самым с европейской шахматной доски одну из последних фигур, мешавших всевластию Франции, он не собирался. Но он отвел и предложение эрцгерцога Карла пойти на союз с Веной в обмен на ее поддержку в приобретении Дунайских княжеств. К переговорам с корсиканским обольстителем он остыл и, невиданное дело, назначенный послом в Париж А.Б. Куракин остался вообще без инструкций. Вести оттуда поступали разведывательным путем, хотя и под дипломатической крышей. Важнейшим источником информации служил “кузен Анри”, он же “библиотекарь”, и даже “Анна Ивановна”, а именно Талейран, передаточной инстанцией – “танцор” (посланный в Париж Нессельроде). Царь именовался Луизой, а Наполеон, чтобы никто не догадался, о ком идет речь, был наречен чисто русским именем Терентий Петрович. Известия после 1810 г. сомнений

не оставляли – следующей жертвой завоевателя станет Россия⁶⁹. В 1809 г. эту роль, в точном соответствии с графиком, составленным Толстым, сыграла Габсбургская монархия. На этот раз австрийцы стойко сражались, Наполеон добился их капитуляции, но большой кровью, битва под Ваграмом длилась два дня. Австрия по Шенбрунскому договору (октябрь) утратила многие земли, включая выход к Адриатическому морю на Далматинском побережье Адриатики.

Отсутствие по-настоящему крупных успехов на Дунае затрудняло и оттягивало заключение мира с Турцией. В марте 1811 г. Александр I, преодолев личную антипатию, поставил Кутузова во главе Дунайской армии. В Стамбуле по-прежнему не думали подписывать предложенные российской стороной условия. Туда поступали сведения о передвижении французской армии к российской границе, о бурных сценах, устраиваемых Наполеоном перед послом. Кутузов сообщал: Молдавия и Валахия служат “магазейном Царьграда, и потому вся нация не допустит султана делать сию уступку”. Генерал уже в июле 1811 г. стал осторожно готовить почву для компромисса. Румянцев поддался на его доводы, и в депеше от 7(19) августа соглашался удовлетвориться присоединением к России одного Молдавского княжества.

Действенным аргументом для побуждения турок к миру являлась решающая победа над ними. У Кутузова было в подчинении всего 4 дивизии – 27 тыс. пехотинцев, 13,5 тыс. конников и еще 4,5 тыс. артиллеристов, а у неприятеля лишь под Шумлой – 80 тыс. штыков и сабель.

Правда, размышлял полководец, “против турок успех зависит не от многолюдства, но от расторопности и бдительности командующего генерала”. И Кутузов, вошедший в историю военного искусства как военачальник осторожный и неторопливый, предпочитавший маневр бою, в кампании 1811 г. показал пример “расторопности”. Вместо того, чтобы идти на приступ крепости, где засел великий везир, и надолго застрять под ее стенами, следовало выманить его оттуда. Кутузов стал распространять слухи о слабости и даже бедственном положении своей армии. Он покинул занятые на правом берегу земли, оставив за собой лишь Рушук, надеясь ободрить своим скромным поведением везира, и тот действительно воспрял духом и атаковал силами в 60 тыс. солдат и офицеров русскую группировку под Рушуком (20 тыс. человек). Снять туркам русскую оборону не удалось, они отступили. Однако победитель не желал выглядеть таковым в глазах неприятеля и от преследования отказался. Замысел Кутузова состоял в том, чтобы заманить османов на левый берег Дуная, отрезать их от баз снабжения и разгромить.

Кутузов распорядился взорвать рушукские укрепления, а войска переправил через Дунай, Ахмед-паша искушения не выдержал и бросился преследовать “отступающих”. В Валахии Кутузов окружил везирское войско редутами, а корпус генерала И.И. Маркова, форсировав Дунай, ударил по османским тылам и разгромил их. Пути отступления турецкой армии были перерезаны, сама она окружена под Слободзеей. Ахмед-паша бежал, и 5 октября прислал в русский бивак парламентаря, прося перемирия и открытия переговоров. 30 сентября (12 октября) Румянцев направил в Дунайскую армию инструкцию: “Приобретения наши ограничить одною Молдавиєю с Бессарабиєю. Ежели турецкие министры будут крайне затруднены уступкою всего княжества, то довольствоваться присоединением границы по р. Серет, продолжа оную по Дунаю до впадения его в Черное море”. В Петербурге нервничали и торопили генерала: “Главное – не помешать настоящей неготиации достигнуть мира, что должно быть единственною и предпочтительною целию Вашею”. Уполномоченным во главе с Италинским, казалось, удалось достигнуть с турками согласия по смягченному варианту требований. Но в ноябре вместо известия о согласии партнеров на подписание мира прибыло распоряжение

⁶⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века, т. 4. М., 1965, с. 559–561; Миллер А.Ф. Указ. соч., с. 307; Romania in relatiiile internationale. Iasi, 1982, p. 63; АВПРИ, ф. Дипломатическая канцелярия Дунайской армии, 1808, д. 24, л. 251; Сироткин В.Г. Указ. соч., с. 175–178; Тарле Е.В. Талейран. М., 1953, с. 101–114. Подобные же услуги Талейран оказывал Австрии.

султана: “У России нет причин желать расширения территории, она и так обладает самой обширной, и пусть граница останется прежней”⁷⁰.

“Неготиация” зашла в тупик, и Кутузов получил предписание – готовиться к “начатию” военных действий. “Начатия” не произошло, зимой тогда не воевали. Предусмотрительный командующий взял “армию турецкую, по сей стороне находящуюся” (т.е. на левом берегу Дуная), “в сохранение до заключения мира” и неоднократно угрожал ей пленением.

Кутузова можно назвать генералом не только от инфантерии, но и от дипломатии, он побывал уже посланником в Константинополе. Кутузов в полной мере учитывал в переговорах общую расстановку сил на международной арене и стремился использовать ее себе на пользу. Положение сложилось неоднозначное. Если Австрия делала все возможное для того, чтобы ставить палки в колеса российским усилиям, то не такова была позиция Великобритании. Редко когда отношения де-юре между двумя странами, а именно, состояние войны, в такой степени не соответствовало положению де-факто, их растущей заинтересованности в сотрудничестве. Ни та, ни другая сторона не желала сражаться по-настоящему. Происходили странные вещи. Российский посол Воронцов продолжал жить в Лондоне в качестве частного лица. Средиземноморская эскадра адмирала Сенявина еще в 1807 г. была заблокирована в устье реки Тахо (Португалия) превосходящими силами британского флота. Однако его флагман выразил пожелание, чтобы российские суда были переданы ему (а не сдались!), да так, чтобы “менее всего были задеты чувства вашего превосходительства” (т.е. Сенявина). И корабли под Андреевским флагом и со своими командами приплыли к берегам Британии. Здесь экипажи высадились на берег, а суда были взяты “на сохранение”. Матросы проживали в казармах, офицеры – на частных квартирах. Через год их переправили на родину. После заключения союза между Россией и Англией корабли были возвращены в порты Балтики, а те из них, что пришли в ветхость, британское адмиралтейство приобрело по цене новых, видимо, раскаиваясь в небрежном их содержании. Англия и Россия все годы разрыва были кровно и своекорыстно заинтересованы в тесных отношениях, а не в ссоре.

Дж. Каннинг, пока был главой Форин оффиса (до дуэли со своим коллегой по кабинету и злейшим врагом Р. Каслри, стоявшей ему министерского поста), пользовался каждой удобной оказией, чтобы выразить свое огорчение сложившейся противоестественной ситуацией. До поры до времени в Петербурге делали вид, что не слышат доносящихся из Лондона призывов. Но только до поры. Когда же рухнули надежды на дивиденды от союза с Наполеоном и стало очевидно, что французы всерьез и надолго завязли в Испании, к британским призывам начали прислушиваться.

Но гармония интересов, о которой толковал Каннинг, существовала лишь на бумаге. Мир с Великобританией, к чему призывал англичанин, означал войну с Францией, к которой Петербург не был готов и которую стремился избежать до последней возможности. В британской политике утверждался курс на сохранение в неизблемости владений Османской империи, что совершенно не соответствовало точке зрения царизма. Правда, просачивались сведения, что в Лондоне согласны признать российские территориальные приращения как акт завоевания, что в трактовке Форин оффиса не означало расчленения державы султана, ибо другие страны в сем не участвовали.

И все же существовавшие противоречия отступали на второй план перед общей задачей обуздания Наполеона, и попытка впрямь Россию во французскую колесницу, предпринятая в Тильзите и Эрфурте, провалилась с треском.

Негласное англо-русское сотрудничество уже налаживалось, в контакты с Петербургом включился принц-регент Георг. 16 августа 1811 г. он отправил через представителя восставших испанцев Зеа Бермудеса собственноручное письмо Александру I. В нем важны форма и тональность. Выразив глубокую скорбь по поводу наступившего между двумя странами разрыва, он свидетельствовал в нем свои “чувства доброго рас-

⁷⁰ Гулия Г.Д. К истории восточного вопроса. Русско-турецкая война 1806–1812 гг. и Англия. Сухуми, 1978, с. 55.

положения и приязни, которые не могут быть стерты временем или препятствием". И подписался: "Преданнейший Вам (от имени короля) Георг". На письмо Александр не ответил (не дай Бог, о корреспонденции проводят шпионы Бонапарта), но услуги не отверг, намекнув на их желательность окольным путем⁷¹.

В том, что британская дипломатия в решающие месяцы склоняла Порту к примирению, нет сомнения, но и преувеличивать ценность ее поддержки нет нужды. Лондон не спешил с отправкой в Стамбул посла, Британию там представлял в ранге поверенного в делах Ч. Стрэтфорд-Каннинг, двоюродный брат министра, 25-летний молодой человек, жаловавшийся на то, что месяцами не получает от Форин оффиса указаний. В марте 1812 г. Кутузов передавал дошедшие до него сведения, что турки будут настаивать на исключении из договора всякого упоминания о границе в Азии (т.е. о вхождении Грузии в состав России): "Сие новое затруднение почитаю я единственно последствием внушений г-на Каннинга, рожденных от торгового корыстолюбия его правительства. Я даже полагаю что неожиданное предложение, сделанное нам Портою, отстранить совершенно статью об Азии, нельзя иному чему приписать, как равномерно внушениям аглицкого поверенного в делах".

Но поступала информация и иного рода: тот же Стрэтфорд-Каннинг в письме на имя турецкого уполномоченного Галиба эфенди высказался в пользу мира и в ставку Дунайской армии прислал своего сотрудника Р. Гордона для связи. Содействие достижению договоренности он обусловил согласием турок на границу по реке Прут и пригрозил им, в случае продолжения войны, прорывом британского флота в Проливы⁷².

Иную позицию занимала Габсбургская монархия. Обобранная по Шенбрунскому договору 1809 г., она превратилась в младшего партнера завоевателя. Наполеон предложил руку эрцгерцогине Марии Луизе и получил согласие.

В то же время и кайзер, и его первый министр К. Меттерних страшились утверждения северного колосса в низовьях Дуная, традиционно считавшихся зоной австрийского влияния, и в Стамбуле интересы Шенбрунна и Тюильрийского дворца во многом совпадали, при том, разумеется, что Наполеон хотел играть первую скрипку в балканских делах, как и во всех прочих⁷³. Только острая нужда загнала Вену в союз с Францией. Но продолжение русско-турецкой войны устраивало обе державы.

Между тем переговоры буксовали. Галиб эфенди был сторонником договоренности, и в беседе наедине с Кутузовым дал понять о желательных ее условиях: в Азии – старая граница, в Европе – черта по реке Прут, причем крепости Измаил и Килия остаются за Турцией.

Положение "ни мира, ни войны" невозможно было длить до бесконечности. Кутузов грозил разгромом везирской армии, взятой им на охранение. Французская дипломатия, ассистируемая австрийской, предпринимала отчаянные усилия, пытаясь воспрепятствовать достижению согласия. Но и в Стамбуле усвоили уроки 1806 г., когда, поверив французским обещаниям, ввязались в войну с Россией и были брошены на произвол судьбы, и повторять печальный опыт не собирались.

Казавшийся неразрешимым узел российско-турецких противоречий был разрублен царским рескриптом от 22 марта (3 апреля) 1812 г. на имя Кутузова. Александр написал его сам, задумываясь над отдельными формулировками и перечеркивая карандашом уже написанное: "Великую услугу Вы окажете России поспешным заключением мира. Убедительно взываю Вас любовью к своему Отечеству обратить все внимание и все усилия Ваши к достижению сей цели. Слава Вам будет вечная. Для единственно Вашего сведения сообщаю Вам, что если было бы невозможно склонить турецких полномоч-

⁷¹ АВПРИ, ф. Дипломатическая канцелярия Дунайской армии, 1809, д. 8, л. 15.

⁷² АВПРИ, ф. Канцелярия, 1811, д. 1960, л. 365, 379, 402; Внешняя политика России XIX и начала XX века, т.6. М., 1962, с. 181–182; АВПРИ, ф. Дипломатическая канцелярия Дунайской армии, 1811, д. 1960, л. 429, 430, 469; 1811–1812, д. 1964, л. 145.

⁷³ Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. М., 2005, с. 162, 166, 139–140; Тарле Е.В. Три экспедиции русского флота..., с. 139; Romania in relatiile internationale..., p. 63.

ных подписать трактат по нашим требованиям, то, убедясь наперед верным образом, что податливость с Вашей стороны доставит достижение мира, можете Вы сделать необходимую уступку о границе в Азии. В самой же крайности дозволяю Вам заключить мир, положив Прут, по впадении его в Дунай, границею". Последнюю уступку император обусловил заключением союзного договора с Турцией.

О степени секретности царского решения можно судить по тому, что тем же числом, 22 марта (ст.ст.) помечены очередные инструкции Румянцева, в которых предписывалось держаться твердо и положить реку Серет границею.

Соответствующая статья подписанного в Бухаресте 16(28) мая договора гласила: "Поставлено, что река Прут со входа ее в Молдавию до соединения ее с Дунаем и левый берег Дуная с сего соединения до устья Килийского и до моря будут составлять границу обеих империй, для коих устье сие будет общее". Мирным актом предусматривалось предоставление сербам самоуправления, но в форме, позволявшей Порте маневрировать и оттягивать решение вопроса. В Азии Россия отказывалась от завоеваний, но не от земель, вошедших в нее добровольно, т.е. Грузии. Император Александр ратифицировал договор в Вильно накануне (буквально!) вторжения наполеоновских орд в Россию.

Поскольку рескрипт от 22 марта (3 апреля) был окружен непроницаемой тайной и в нем фигурировало требование о заключении союза с Портой, Кутузов брал на себя колоссальную ответственность, заключая мир. "Что я ничего лучшего сделать не мог, – писал он в реляции Александру от 4(16) мая, – то причиною положение дел в Европе. Что я никаких не упустил стараний и способов, тому свидетель Бог". Характерно заключение: "Но если со всем тем выгоднее разорвать все мною обещанное, в таком случае приму я без роптания все, что касательно меня последовать может. Несчастье частного человека с пользою общею ни в какой расчет не входит". Кутузов предоставлял царю возможность отказаться от договоренности, взвалив всю вину на себя.

Отказа не последовало – мир в создавшихся условиях был благом для России, но и заслуженных лавров полководец не дождался. Еще 4(16) апреля был заготовлен рескрипт о передаче им командования адмиралу П.В. Чичагову. Он существует в двух вариантах, один – совсем сухой, на случай если к приезду адмирала мир не будет подписан; во втором, как бы спохватившись, царь обещал старому полководцу "награждение за все знаменитые заслуги, кои Вы оказали мне и отечеству"⁷⁴. М.И. Кутузов верно служил Отечеству. А через три месяца, и вновь по призыву царя, Кутузов выехал из своей деревни к отступавшей армии, занятой гигантской схваткой с полчищами Наполеона, навстречу битвам, славе, смерти и бессмертию.

* * *

Год 1813. Начался освободительный поход российской армии. Германия – в дыму сражений. У российских войск вместе с прусскими – лишь незначительный численный перевес над силами Наполеона. Бои под Люценом и Бауценом закончились без решающего успеха какой-либо из сторон, и Бонапарт приписал победу себе. В апреле 1813 г. скончался М.И. Кутузов. В опытных, смелых, проверенных генералах не было недостатка, но нет никого, равного старому полководцу по авторитету, привязанности и доверии к нему солдат, вере в него России. Остро стоял вопрос о привлечении к союзу Австрии. У нее – особая позиция. Наполеон приходился зятем кайзеру Францу. Быть может, трагедия московского похода образумила корсиканца, да и со здоровьем у него уже было не все в порядке, глядишь, оборвется его земной путь, и тогда дочь, бывшая эрцгерцогиня Мария Луиза – регентша Франции, а потом и внук Наполеон взойдет на престол в Париже и наступит доминация альянса Бонапартов и Габсбургов в Европе. Российского могущества в Вене боялись не меньше, а может быть и больше наполеоновского.

⁷⁴ АВПРИ, ф. Канцелярия, 1812, д. 1982, л. 69, 99, 118, 119. Крейе С.С. Политика Миттерниха. М., 2002, с. 159; Александр I, Наполеон и Балканы, с. 194, 252–253; Webster Ch.K. The Vienna Congress. London, 1920, p. 84.

Меттерних безрезультатно ездил из одного воюющего лагеря в другой, пытаясь установить контакты между сражавшимися и склонить их к компромиссу. Наполеон не желал расставаться со славой. Решающее свидание произошло в Дрездене 26 июня. Бонапарт отверг возможность каких-либо уступок со своей стороны. Расстроенный Меттерних, покидая дворец, сказал маршалу Л.А. Бертье: "Ваш повелитель положительно сошел с ума!". Вене оставалось примкнуть к союзу с Россией и Пруссией (10 августа). Она запаслась необходимыми гарантиями: Теплицкий договор (9 сентября) предусматривал восстановление Австрии и Пруссии в границах 1805 г. Три его участника собирались выставить против Наполеона каждый по 150-тысячной армии. Примкнувшая к нему Великобритания обязалась снарядить за свой счет такое же войско.

Гибель Великой армии в России в 1812 г. с фатальной неизбежностью влекла за собой гибель наполеоновской империи. Корсиканец был выдающимся организатором, он мог восстановить свою армию количественно, но не качественно. Последнее лежало за пределами возможного. Французы оплатили славу Наполеона миллионами жертв.

В марте 1814 г. союзники вступили в Париж, в апреле император подписал акт отречения от престола. Понятно, что ослабевший режим не цеплялся за находившийся на далекой периферии континента балканский плацдарм. Британцы, опираясь на свой флот, занимали один остров Ионического архипелага за другим. В 1814 г. наступила очередь последнего и самого большого из них, острова Корфу. Французский плацдарм на Баканах перестал существовать.

18 июня 2010 г. исполнилось 85 лет видному ученому-историку Владилену Николаевичу Виноградову, многолетнему члену редколлегии и постоянному автору нашего журнала. Редколлегия журнала "Новая и новейшая история" и сотрудники редакции горячо поздравляют Владилена Николаевича со знаменательным юбилеем и желают ему доброго здоровья, успешного выполнения всех творческих замыслов.